

КОНТРОЛЕР

АНДРЕЙ ДЕТКИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЦИКЛ ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА В ЗОНУ

18+

Андрей Деткин

Контролер

«Автор»

2023

Деткин А.

Контролер / А. Деткин — «Автор», 2023

Фаза, командир звена, не мог вспомнить, когда экспедиция складывалась так неудачно. Неприятности начались за несколько дней до рейда: блатарь напился, двоих ветеранов перевели в инструктора, взамен всучили «салажих зелепанов», вместо опытного врача является престарелый медбрат из «шпиталя», яйцеголовые вздумали тащить с собой самоходку, да к тому же «Карл» трижды ложится «рубашкой» к небу. Все наперекосяк. Но, несмотря на неудачи и потери, экспедиция все же достигает цели. Стоит ли она того? Решать тебе. Цикл: «Дальняя дорога в Зону». 1 книга «Фазерботы», 2 книга «Контролер».

© Деткин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. За мечтой	5
Глава 2. Пижон и Фаза	12
Глава 3. Исследовательский центр	17
Глава 4. Встреча	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Деткин

Контролер

Глава 1. За мечтой

Без лишних слов Чилим взял на себя роль командира. Никто, впрочем, не возражал. Профессор передал ему координаты промежуточной точки и занял штатное место за транспортером. Товаруга шел впереди, Чилим его ориентировал. Скидывать на ПДА проводника координаты он не стал, что не сильно мешало делу. Сталкеру главное знать вектор движения, а там уже сам дорожку выберет.

Товаруга не был в восторге от смены командования, но ничего криминального в этом не видел. Свое неудовольствие разбивал золотым шаром, который, возможно, ждал впереди. Были в словах профессора резон и факты, которые стыковались с ранее имеющейся у него информацией.

На привале, организованном по причине плохого самочувствия Олега Юрьевича, произошло нечто, что заставило проводника поменять решение.

Они уже шли два часа по гнилому лесу. Профессор чаще обычного кашлял. Подносил кулак к губам, выдыхал воздух с хрипом, а бывало и с мокротой, сплевывал, вытирал губы тылом ладони, что-то бубнил и брел дальше. Он то и дело отставал из-за чего отряд останавливался и ждал пока он встанет в строй.

Спускались в глубокий промытый дождями овраг. Профессор споткнулся и, поднимая сухие листья, ломая ветки, покатился вниз. Чилим кинулся наперерез, но не успел. Вместо него Олега Юрьевича остановила старая ель. Он впечатался в шершавый ствол боком, застонал и скрючился.

Некоторое время лежал неподвижно, только шумно дышал. На вопросы Ссэра не отвечал, а когда тот попытался его перевернуть, застонал, скрючился еще сильнее и внутри него что-то захлюпало.

– Не трогай его, – запретил Малой, – сейчас отпустит.

Наконец, Олег Юрьевич зашевелился. Встал на колени и вялыми движениями, словно замороженный, расстегнул защелку, стянул шлем.

– Профессор, – заговорил Чилим, – шлем снимать нель...

– Иди к черту, – простонал ученый, отбрасывая защитную сферу в сторону. Затем перевернулся, сел на землю, прислонился спиной к дереву. Отдышался, заговорил снова, – этот ваш горшок осточертел. Нет никого в этом лесу. Некого бояться. Лес мертвый.

– И я ни одной зверушки не приметил, – Малой тоже снял шлем, принялся зверски скреести голову ногтями. – От вашей каски все зудит, – как блохастый пес от удовольствия крупного почесона, он закатил глаза и отвалил челюсть. Чилим с Рамой переглянулись, но перечить не стали. Этот пожилой джентльмен вел их в такое место, где от ништяков мошна лопнет. Они не сомневались, если все срастется, то назад пойдут вдвоем. Тем более, что мутантов в округе действительно не наблюдалось. Тем не менее, шлемы снимать они не стали.

Когда передых закончился, и пришло время идти дальше, обнаружилось, что проводника нет. Они кричали, звали, ждали, но не через пять, ни через десять минут Товаруга не появился. Грязно выругавшись, Чилим занял его место. И более, менее справлялся, до определенного момента.

Он заметил аномалию в последний момент. Притаившаяся за поваленным стволом, в сухих сучьях «комариная плешь», потянула его. Чилим ощутил неприятное давление на пра-

вой руке, плече и ноге. От неожиданного треска вдруг разродившегося детектора, он так резко отпрянул назад, что не устоял и упал.

– Чтоб ты сдохла, – скрежетал, поднимаясь, Чилим, ощущая, как что-то подрагивает под коленками. – Сверчок! – громко крикнул он, – ходи сюда!

Развально́й трусцой парень подбежал к новому командиру.

– Значит, так, – Чилим выставил руку и пальцем показывал вперед, – идешь вон на ту корявую елку с двумя макушками. Не торопись, если что-то заметишь или почувствуешь нехорошее, сразу останавливайся. Я буду сзади.

Сверчок вернул взгляд с вилкоподобной ели и в упор посмотрел на спецназовца:

– У меня нет детектора, – проговорил он онемевшими губами, понимая, к чему дело клонится.

– Тебе и не нужен, ты вроде бы местный, так все интуичишь. Сколько? Три, четыре года без детектора справлялся? Тебя он только отвлекать будет. Если что, я подстрахую.

– Хорош, парня, отмычкой ставить. Ты командир – тебе и идти первому, – подал голос Ссэр.

– А ты старый, завали, – дерзко проговорил Рама, – не то сам возглавишь.

Ссэр обернулся. Позади него в метрах пяти стоял здоровяк, пусть его пулемет и висел на ремне через шею стволом вниз, а левая рука свободно вдоль тела, правая крепко сжимала рукоятку, а палец лежал на спусковом крючке. Рама дерзко таращился на медика, который и на пике формы не смог бы столкнуть его с места.

Ссэр счел безопасным не отвечать и вновь повернулся к Чилиму. Все, кроме, разумеется, Сверчка смотрели на него таким взглядом, что док без переводчика понял – отряда больше нет. И Сверчок таки пошел первым. Как миленький, потому что занять его место желающих не нашлось.

Но прежде чем двинуться вперед, Чилим переключил все шлемы на другую частоту. Профессору с Малым пришлось одеть высокотехнологичные сферы, как бы им этого ни хотелось, а вот бронемаски пристегивать не стали. Когда Чилим проверял связь, отметил, что ловится она отвратительно. В наушниках трещало и завывало, словно зона в смертельной тоске. «Чертовы поля», мысленно выругался спецназовец.

Сверчок достойно справлялся с возложенной на него обязанностью проводника. Он ощущал аномалии, как рассказывал потом на привале, »нутром«. Что под солнечным сплетением, при сближении, к примеру, с «мясорубкой» или «комариной плешью», что-то сжималось, будто слизень от прикосновения. Это что-то не распознает аномалию конкретно, только предупреждает о ее наличии. Точное нахождение определяется просто: ближе – сжимает, дальше – отпускает. И так он натренировал за годы пребывания в Зоне эту свою способность, что вполне мог поспорить с имеющимися в отряде детекторами. Малой даже предположил, что у мутантов похожий механизм выявления гиблых мест.

– Ай да, Сверчок, ай да, жучара, – Рама хитро щурил глаз и грозил сироте пальцем, – с такими-то талантами, да отсидеться хотел. Ты лучше гребаного Товаруги.

Парень тупился, скромно растягивал губы в довольной улыбке:

– Оно, как-то само... У меня никогда детектора не было, даже не знал с чем сравнить.

В определенной точке экспедиция поменяла курс и теперь шла не через химический завод, а в обход. Олег Юрьевич предусмотрительно придержал эту дорожку до последнего момента. Он знал, что через зараженные, заселенные всякой дрянью развалины не пробраться. Поэтому хотел убедиться, что попутчики несмотря ни на что с ним до конца. В то же время болота и затопленные расселины не позволяли отойти от предприятия далеко. Земли, пригодной для передвижения, в округе оставалось не так уж и много. Эти факторы, видимо, влияли на популяцию мутантов. Где это видано, что уже второй день на глаза не попался ни один, как выражался Седой, «Зоин выкидыш».

Дозиметры трещали беспрестанно, смотреть на табло с прыгающими цифрами без содрогания было невозможно. Но люди шли, кто-то знал зачем, а кто-то гонимый одной надеждой. Когда радиоактивный фон повысился на 200 рентген/час, профессор распорядился, чтобы Малой всем выдал по суперской пилюле.

Покоробленный лес резко сменился выжженной землей. Скорее всего, жгли напалмом. Трава обратилась в пепел, сгоревшие деревья в головешки, вместо пней торчали черные шипы. Кое-где виднелись угольные стволы, мотки проволоки. Дальше от опушки, если так можно назвать кострище, в метрах пятидесяти на плешине стоял сгоревший гусеничный трактор, еще немногим дальше высилась стопа плит, рядом фундаментные блоки, пустые поддоны, куча силикатного кирпича, перевернутая растворная ванна, россыпь металлической опалубки, арматура. А за всем этим непонятно откуда взявшееся в такой глухомани недостроенное трехэтажное здание на два подъезда. Огонь ему вреда не причинил, только слегка подкоптил кирпичные стены. Разбирали дом время и лес. На крыше виднелись пучки травы, чахлая поросль. Кое-где на отливах укоренился мох, особенно разросся на козырьках.

Отряд шел по гари, поднимая облачка невесомого пепла. Люди нервно озирались. После леса на открытой местности чувствовали себя неуютно, словно кроты, вылезшие из норы.

Их подпустили слишком близко. То ли часовой проспал, то ли хотел рассмотреть лучше, то ли долго решал что делать. Выстрелы прозвучали, когда Сверчок уже обходил сгоревший трактор.

Автоматная очередь расколола тяжелую тишину выжженной пустоши подобно молоту по каменной глыбе. Как ужаленный Сверчок подпрыгнул на месте, а затем ящеркой юркнул под днище сгоревшей машины.

Все ринулись к единственному укрытию – трактору. Рама бежал последний, поэтому видел, как застыбался Чилим, а затем и вовсе упал. Не останавливаясь, амбал схватил его за специальную для подобного случая петлю на разгрузке и потащил. Чилим пытался ему помогать, вяло перебирал конечностями, с его плеча сорвался автомат, потерялся где-то в золе.

Рама подтащил спецназовца к гусенице, заорал:

– Док, сюда! Скорее! – причины для волнения у него были. В самом нехорошем месте, где смыкается бронемаска с бронезиловым, растекалось темное пятно. Трясушейся рукой Рама отстегнул «намордник». На губах Чилима выступила кровь, сам он покраснел, словно тужился выкашлять что-то и не мог. Ссэр сбросил с плеч ранец, стал быстро расстегивать клапан, то и дело взглядывая на раненого.

Раздались выстрелы, сразу с нескольких стволов. По ржавому железу неприятно застучали пули. Инстинктивно все пригнулись, вжали головы в плечи.

– Чил, ты только не умирай, – стонал Рама, опустившись на коленях рядом. – Сейчас Ссэр тебя починит, – обхватил поникшую голову друга руками, приподнял. Веки Чилима были закрыты. Но Раму испугало не это, а цвет лица. Оно было не бледным, не синюшным, а серым, как сухая земля.

Со шприц-тюбиком в зубах на четвереньках подполз Ссэр. Без лишних слов впорол Чилиму «фентанил».

Из здания продолжали стрелять. Рама словно этого не замечал. Его глаза вдруг округлились, он тупо посмотрел на Ссэра:

– Док, он чего?

В спину Рама что-то ткнулось. Спецназовец резко обернулся. Позади стоял мул и топтался на месте, разворачиваясь боком к остову трактора. Рама с силой оттолкнул его. Взвизгнули сервоприводы, засеменили опоры, удерживая самоходку в равновесии.

Ссэр протянул руку, положил пальцы на шею раненого:

– Все. Умер, – тихо проговорил он. Заслышав drobный стук по трактору, дернулся, сжался.

– Так быстро?

– По-видимому, стреляют экспансивными пулями. Большая площадь поражения, большие повреждения, – Ссэр отполз, принялся поспешно собирать ранец.

Рама медленно перевел взгляд на мертвого Чилима. В его глазах читалось непонимание, неверие, неприятие и страх. Он смотрел в лицо другу, словно ожидал, что вот-вот глаза откроются или зашевелиятся губы, бровь дернется.

На плечо здоровяка легла рука. Спецназовец вздрогнул, обернулся.

– Послушай, Рама, – Малой говорил вкрадчиво и сочувственно. – Ты его вернешь. Точно вернешь, даю руку на отсечение. Нам только надо дойти до ШАРА. Надо выбираться отсюда. Ты с Сэром давайте прикройте нас, а я с профом до плит пробежимся. Заставьте их на время, – мотнул головой в сторону здания, – секунд на пять, семь прекратить огонь.

Рама кивнул, он даже не поинтересовался, зачем им за плиты. Собираются штурмовать, обойти, отсидеться, пока у засевших патроны не кончатся, или есть люк, который ведет в подземные катакомбы? Он привык все время на кого-то полагаться, быть на подхвате, считал для себя необязательным вникать и понимать замысел командира. Он исполнитель, рука, а рука вопросы не задает, берет и делает.

– Вот и хорошо, давайте, – Малой хлопнул стрелка по спине. И это как будто подействовало, спецназовец зашевелился, в глазах появилось понимание, сказал:

– Ссэр, не высовывайся, осторожно с той стороны, – ткнул пальцем вправо, – а я здесь.

На корточках Рама подобрался к задней части трактора, высунулся одним глазом, засек, из каких окон ведется стрельба, поставил на гусеницу пулемет. – Давайте сейчас! – прокричал он и нажал на спусковой крючок. Его из автомата поддержал медик. Он стрелял не глядя, оставаясь за спасительным железом.

Низко пригибаясь, сначала Малой, а за ним и профессор, выскочили из-за трактора, побежали к плитам. Выпустив всю обойму, автомат Ссэра смолк. Короткими очередями Рама продолжал обстреливать здание, не давая противнику высунуться. Он видел, как профессор с помощником забежали за штабель и там упали в канаву. Спецназовец сдернул с гусеницы РПК, спрятался за остов, а в следующую секунду трактор накрыли ответным огнем. По железу кололо, как град по жестяной крыше. Ссэр с Рамой пригнулись, прижались к ржавым с засохшей землей каткам. Раздался взрыв. Осколки посекали железо.

Выстрелы постепенно затихали, а затем и вовсе смолкли. Рама заглянул в щель между кабиной и шасси. Увидел, как две фигуры мелькают в узких окнах дома на лестничном марше. Стрелки быстро бежали по ступеням вверх со второго на третий этаж. И, кажется, у них в руках не было оружия. Рама счел, что оно висит на груди, просто не разглядел в темноте.

Стрельба не возобновлялась, что и тревожило. Возможно, прямо сейчас противник готовил какую-то пакость, к примеру, долбануть с крыши из РПГ или заслал в тыл группу. Беспокойство не успело перерасти в действие, когда в наступившей тишине послышался звук тупого удара и затем хруст.

Рама осторожно выглянул из-за кабины. С полминуты никакого движения в здании и поблизости не обнаруживалось. Затем с крыши полетело вниз что-то темное, бочкообразное. Рама поймал предмет в фокус и увидел, что это человек в черном комбинезоне. Он летел головой вниз, вытянувшись, как ныряльщик, с той лишь разницей, что руки не держал перед собой, а прижимал вдоль тела.

Он рухнул за штабель. Доли секунды мелькал в просветах между плит, а потом раздался звук, такой же, как и в первый раз. Тело резко смялось и исчезло из поля зрения.

От увиденного у Рамы округлились глаза, а за грудиной сжалось, словно огромная ручища схватила душу.

Спустя секунд десять один за другим с крыши спрыгнуло еще двое. И таким же способом – головой вниз, подобно Вовкиным молодцам из волшебного ларца. Массовое ныряние завершили трое разом. Как и предыдущие, они покончили с жизнью, ломая шеи и разбивая черепа.

После чего над выжженной пустошью повисла звенящая тишина. С другого конца трактора выглядывал Ссэр и во все глаза таращился на плиты. Он не выходил из-за сгоревшей машины и чего-то ждал. Ждал какого-то кровавого продолжения, где за умерщвленной добычей должен прийти зверь.

Вместо зверя, из канавы поднялся Малой, на четвереньках прокрался к краю штабеля. Некоторое время смотрел в щели между плит, затем осторожно выглянул. Из кучи неподвижных окровавленных тел не доносилось ни криков, ни стонов.

С опаской на полусогнутых Малой вышел из-за укрытия и осторожно приблизился к трупам. Он обходил одного за другим, прижимал правую руку к губам, подобно горестной женщине.

Завидев Малого, Рама поднялся, с пулеметом у плеча двинулся в его сторону. Следом заспешил медик. С предельной осторожностью они приблизились к плитам. Ссэр бросился к Олегу Юрьевичу, который лежал на спине со шлемом под головой и тяжело дышал. Глубокий капюшон закрывал лицо до подбородка. Рама ощупал профессора беглым взглядом, и не обнаружив видимых повреждений, направился к Малому. Тот ходил между тел, останавливался, рассматривал их, скорбно качал головой и все держал руку у рта.

Еще на подходе по шевронам Рама определил клановую принадлежность мертвецов. Это были «монолитовцы». Спецназовец не удивился. Никого другого в такой дыре увидеть и нельзя было. За пониманием пришла мысль: «Эти стражи зоны, мля, всегда что-то оберегают ценное от пронирливых сталкерюг. Стопудово, где-то поблизости ШАР! – Он мысленно потирал руки, – чертова машина желаний рядом». Несмотря на разбросанные тела и смерть, у Рама на душе стало радостно. Задержалась, однако, радость ненадолго. В следующую секунду, переменявшись в лице, спецназовец развернулся и побежал к плитам. От профессора сейчас очень многое зависело, а он, кажется, был не в форме. Может, даже... Верить в смерть ученого не хотелось, но тревожные образы прорывались. За секунды, пока бежал назад, Рама успел представить, как пуля-дура попадает в щель между плит, рикошетит, а затем через глаз проникает профессору в голову.

Спецназовец подбежал к Олегу Юрьевичу, который по-прежнему лежал на спине и тяжело дышал, рядом на коленях суетился медик.

– Что с ним? – выдохнул запыхавшийся больше от волнения, чем от бега Рама.

– Он без сознания. Совсем ослаб. Пульс, как ниточка, – не отрываясь от занятия, констатировал медик. Убрал вскрытую ампулу, использованный шприц в спецконтейнер. Взял безвольную руку профессора за запястье, прислушался к пульсу. Ссэр остановил взгляд на лице Олега Юрьевича. То, что увидел, ему не понравилось. Он осторожно сдвинул капюшон на лоб.

Лицо ученого претерпело некоторые изменения. К виденным ранее бледной коже и усталым морщинам прибавились покрасневшие веки, пигментные темные пятна размером с десятирублевик на щеках, лбу и шее. Причем на шее из них торчали волоски, были короткими и тонкими.

Ссэр хотел сдвинуть капюшон дальше, но тут профессор зашевелился и открыл глаза. Медик отпрянул. Правый глаз Олега Юрьевича был красным. Лопнувший сосуд залил кровью три четверти яблока, отчего вид ученого и без того не вполне здоровый стал ужасным.

Олег Юрьевич судорожно задвигал глазами, резко поднялся, надвинул капюшон, прошипел:

– Со мной все в порядке. Это я... слегка... вымотался.

Игнорируя изумленные взгляды, он схватился за край плиты, тяжело поднялся. Его покачивало:

– Где, мул? Он цел? – с беспокойным видом профессор закрутил головой. Затем спохватился, достал из кармана джойстик. Его качнуло, повело. Он подшагнул к штабелю, оперся о него плечом, заработал рычажками. Пальцы его двигались плавно и аккуратно.

Скоро из-за сгоревшего трактора приставными шажками вышел транспортер. Развернулся и как ни в чем, ни бывало, неспешной рысцой направился к своему хозяину. С озабоченным видом профессор осмотрел контейнеры. К немалому его облегчению все оказались целыми за исключением двух, но и там пули прошли вскользь, оставив неглубокие вмятины.

Убедившись, что с профессором все в порядке, Рама вернулся к Малому. Тот сидел на корточках рядом с телом «монолитовца» и рассматривал его лицо.

– О чем задумался? – спросил Рама.

– Да вот, смотрю, шлем целый интересно череп тоже?

– А что с ним делается?

– Ну, знаешь, высота, масса тела и все такое. Вполне мог треснуть или сплющиться.

– На хрена тебе это знать? Мертвый и мертвый. Ты лучше скажи, почему они вдруг с крыши сиганули?

– Я откуда знаю, – с хрустом в коленке Малой встал, – задал бы тебе такой же вопрос, будь уверен в твоей компетенции. Но ты ведь не знаешь?

– Нет.

– Вот и я не знаю.

Малой пошел к плитам.

Сверчок лежал под сгоревшим трактором. Было тесно, пахло гарью, что-то колело в правый бок, но он не пытался сдвинуться. Когда стихли выстрелы, и стало понятно, чья взяла, у него вдруг возникла мысль, дожидаться пока остальные уйдут, затем вылезти, догнать Фазу с Пижоном и с ними через «Восточный кордон» выйти из зоны. Он уже сомневался, что сможет дойти до «шара».

Что Сверчок юркнул под сгоревший остов, никто не заметил, так как пальба началась в тот момент, когда он зашел за трактор. Парень об этом не знал и когда Рама подошел к Чилиму, Сверчок подумал, что за ним и полез из укрытия. Когда из-под трактора показалась его рука, а затем голова, Рама испугался до невозможности и едва не выстрелил. Ему показалось, что лезет зомбяк. И это было немудрено, Сверчок весь был перепачкан в пепле.

– Твою мать, – выдохнул спецназовец, опуская пулемет, – так можно и зайкой остаться. Какого черта ты там делаешь? – Про себя подумал: «Я ведь про него совсем забыл. Как у него получается быть таким не запоминающимся?».

– Начали стрелять я и сховался, – парень выполз из-под трактора, хотел было отряхнуться, увидел неподвижного Чилима, замер, шепотом спросил. – Что с ним?

– Нет больше Чилима, – угрюмо буркнул Рама, – надо его похоронить. Поищем давай кругом, может, лопату какую найдем. Нельзя его так оставлять.

– Эй! – от плит послышался громкий голос Малого.

Рама выглянул из-за трактора. Научник его заметил, замахал рукой, – идите сюда!

– Сейчас, – без энтузиазма ответил Рама, – давай Сверчок айда.

К тому моменту, когда они подошли, профессор уже забрался на транспортер, а Ссэр устраивал ему под спину свой ранец.

– Надо срочно идти, – говорил Малой негромко, с озабоченным лицом, – Олег Юрьевич неважно себя чувствует, совсем плох.

– Мы хотели Чилима похоронить, – проговорил Рама.

– Не сейчас. Давайте на обратном пути. Если не успеем, все жертвы и потери окажутся напрасными. Только проф знает, как добраться до «шара».

– Я его хотя бы в трактор суну, – не дожидаясь возражений, Рама побежал к остову.

– Только быстро! – крикнул ему вслед Малой.

Спецназовец рывком открыл ржавую дверь. Раздался душераздирающий скрип, посыпались гарь и труха. Он заглянул в кабину – все выжжено. Наклонился, поднял Чилима. Обмякшего и тяжелого усадил на ржавый скелет сидения за обгоревший руль. На секунду задержался. Тот выглядел спящим. Нижняя губа Рама дернулась, глаза увлажнились:

– Я вернусь, Чил. Прости.

Он захлопнул дверь и побежал к ожидавшимся его людям.

Профессор неплохо устроился, восседал на алюминиевых контейнерах, как на диване, голени и бедра его не туго притягивали две стяжки.

– И чего бы вам сразу сюда не забраться? – спросил Рама. Олег Юрьевич ему не ответил. Он сидел хмурый и больной.

– Ну, все, – распорядился Малой, – пора идти. Сверчок, давай, как и раньше – вперед. Ссэр ты за ним, потом мы с профессором, Рама последним.

Никто не возражал. Даже если и имелись протестные мыслишки, их давила огромная до невероятности мохнатая алчность.

Глава 2. Пижон и Фаза

– Черт, черт, – Пижон пальцем трогал под носом и отчетливо ощущал бархатистую поверхность. Фаза покосился на стрелка. Пятно выглядело неестественно и даже жутковато, словно вытекающая из ноздри сопля-плесень. Оно было до отвратительности белое, глядя на которое, своя боль в ноге притуплялась.

– Не лапь, – проговорил угрюмо сержант, вилок зачерпнул из контейнера гречку с говядиной, сунул в рот.

– Блин, – простонал Пижон, – вчера еще не было. И во рту, на языке, там в горле как будто шероховато, першит, блин постоянно, – в подтверждении сказанного он кашлянул. – Лучше бы я с ними пошел, хоть какой-то был шанс.

– Хрен там, а не шанс, – проворчал Фаза с набитым ртом.

– Хрен здесь, – Пижон резко смахнул с пня вскрытую банку. Она полетела, разбрасывая перловку с тушеной свиной. Сержант взглянул на лежащие в сухих листьях консервы, продолжил жевать.

– Они, наверное, уже у ШАРА желания загадывают. Такое раз в жизни случается, а я здесь, – скулил Пижон. В отчаяние схватился за шлем и заскреб пальцами, словно драл себя за волосы. Затем выдохнул, выпрямился и заговорил зло. – Не зря проф в зону полез и Товаруга твой друган подтвердил, что знал того сталкера, который »шар» искал и чей планшет...

– Да не ной ты, – Фаза мотнул головой, досадливо цокнул. – Яйцеголовый этот вертел вас всех, как лохов чилийских. Мозги засрал, а вы и рты разинули. Он помирает, ему что-то там надо в лаборатории. Но не ШАР. Нет ШАРА, это все сталкерские байки. Может лекарство, арт какой-то уникальный, аномалия, не знаю, но не ШАР.

– С чего ты взял, что байки? Всезнающий, да? Хер ли тогда до сих пор в охранниках ходишь? шкурой рискуешь? – язвил Пижон, мерзко кривя рот.

– Потому что это выдумка. Вот смотри, допустим, подвел тебя тот же самый Олег Юрьевич к двери и говорит: «Открой ее, там в аквариуме золотая рыбка. Она все наши желания исполнит». Но при этом умалчивает, что если дверь откроешь, назад дороги, уже не будет. Или Пан или пропал. Ты бы открыл? Поверил бы ему на слово?

– Как-то ты неправильно переинтерпретируешь, – возмутился Пижон, – почему дороги назад нет?

– Потому, если там не окажется ШАРА, у тебя времени воспользоваться другим вариантом уже не будет. Ты гарантированно помрешь страшной и мучительной смертью. Слепнешь, твои глаза побелеют, плесень изо рта ползет, будет жрать тебя изнутри и, в конце концов, доконает.

– Я и так помру.

– Не факт. Ты представления не имеешь, какие чудеса творят медики в головном «шпитале». Они арты используют. Целый институт на них работает. Слышал, что в закрытом «северном крыле» Московских шишек лечат, мертвых на ноги поднимают, а с твоей бархоткой в два счета справятся.

– Ага, – уже как-то не совсем уверенно возразил Пижон, – справятся, конечно.

Они снова ели. Пижон без аппетита грыз печенье с размазанным яблочным повидлом, Фаза доедал кашу вприкуску с галетами.

«Разбежались, как крысы. Развалились бревенчатые стены, словно были ниткой подвязаны. Неправильно я их спланировал. Надо было не только в Зоне коллектив держать, на базе тоже. По сути, вышло, каждый за себя, каждый своей жизнью жил. Блин, но раньше работало. Да, – отвечал он себе в мысленном диалоге, – раньше такой жопы не случалось. Мы как колодый лед в ведре. Вроде бы и сплоченные, а как вода через край полилась, так и по кускам рас-

пались, вытекли кто куда, а кто и в ведре остался. А теперь... Где Седой, где Чилим, где Рама. Один Кишлак по чесноку откололся. Хреновый, в общем, я командир оказался. На страхе да на кулаках парней держал. А надо было за совесть топить. Гнать чертова блатаря взашей, набирать молодых типа Кишлака и по-товарищески, по-доброму, как-то объединять. Конечно, и спрашивать, но не так сурово. А то построил порядки, как в тюрьге и что получил в итоге? В ходках держались друг за друга только по необходимости. Какой в задницу кулак, нунчаки на соплях, вот кто мы. Палки по отдельности вроде есть, а связки между ними – ёк. Так и не поговорил с Рамой, а он ведь на меня обиду держал за тот выстрел. И Седому по зубам зря съездил. Блин, даже Товаруга... А че Товаруга? Они все побежали за профессором гребаным. Слишком соблазнительной конфетой он помахал перед их харями. И чего я такой уверенный, что ШАРА нет? – на мгновение сержант потерял опору под ногами. Слишком складно говорил Московский ученый. Так складно, что даже Товаруга проникся. У каждого оказалось, что просить. Может, потому и поверили, что мечту имели? А о чем я мечтаю? – Фаза не сразу смог ответить на этот, казалось бы, простой вопрос. – До конца дней в спецуре лямку тянуть? Бабла наколотить да артов собирать? Разве это мечта. Она вроде бы должна от самого сердца идти. Про Чилима понятно – семья, кредиты. Рама с ним – по фиг куда. Сверчок – мать там, невесту вернуть, Товаруга – брата, Ссэр за свою жизнь скромно бедную натерпелся, на море ни разу не был, тоже как-то понять можно, проф ясно, Малой, наверное, тоже что-то сокровенное затаил. Может, – Фаза улыбнулся, – я потому в «шар» этот не верю, что у меня нет сокровенного? А Пижон? – Фаза повернул голову, украдкой взглянул на понурого парня, безразлично жующего печенье. – Зря я его не отпустил. Не дойдем, на меня его смерть ляжет. А так – взятки гладки. Тем более, сам хотел», – от таких мыслей Фаза тяжело вздохнул. Вслух сказал:

– Давай собираться. Время дорого.

– Да чего спешить, и так понятно – писец мне, – Пижон продолжал сидеть, вяло жевал и обреченным взглядом ковырял под ногами.

– Вечно ты такой нытик, давай собирайся и пошли, – прогудел Фаза и принялся убирать провиант в вещмешок.

– Никуда я не пойду, – Пижон сплюнул тягучей слюной, взгляд его оставался стеклянным и неподвижным.

– Не дури, – Фаза затянул верхний клапан, закинул шмотник за спину. – Тут недалеко осталось, выкарабкаемся.

– Че-то мне уже не хочется выкара..., – он поперхнулся и закашлялся. Поднес руку к губам, затем отвел, посмотрел на пальцы. Они были в крови.

– Топай давай, – лапища с силой хлопнула его по спине, схватила за шиворот и поставила на ноги, – успеем, если сопля жевать не будешь. Утрись и пошли, – сержант говорил с нажимом.

Пижон обернулся. На него смотрела скуластая рожа с уверенными злыми глазами, глядя в них, становилось понятно, этот шутить не будет. Пижон подчинился.

Фаза взвалил на себя его шмотник и уверенно зашагал через лес. Время от времени оборачивался. Приходилось замедляться, а то и останавливаться, чтобы подождать плетущегося следом стрелка. Тот был слаб, голова под тяжестью шлема гнулась на шее, как маковка на стебельке.

«Как все быстро это у него пошло, – с тревогой думал Фаза, вглядываясь в бледное лицо, на выступившую на лбу испарину, на плесень под носом. – Сколько он еще прошагает на своих двоих? Километр, три? А потом тащить его? А куда деваться? Был бы Ссэр, может, таблетку какую-нибудь дал. Стоп», – Фаза резко остановился, скинул вещмешок, покопался в недрах. Пока он это делал, приковылял Пижон. Вид у него был крайне уставший.

– На, глотни, – сержант протянул парню банку.

– Что это? – выдохнул тот и обвалился на гнилой пень.

– Энергетик. Выпей, немного взбодрит.

Пижон взял банку, стал цеплять ногтем кольцо:

– Далеко еще?

Фаза с болью взирал, как тот мучается с кольцом и никак не может его отогнуть, затем взял банку, открыл, вложил обратно в руку:

– Нет, километров шесть, семь, – помолчал и добавил, – сегодня вряд ли успеем, но завтра будем на месте. Ты как?

– Херово, – Пижон закинул голову и большими глотками стал пить. В таком положении сержант прекрасно видел разросшееся пятно под носом, которое уже залезло на губу, обогнуло ноздрю и карабкалось на нос. Пазуха внутри была белая, словно набита ватой.

– Слушай, – Пижон оторвался от банки и тяжело дышал, – можно хотя бы шлем снять. У меня башка его не держит и замок в шею врезается.

– Нельзя.

– Что ты к этим каскам привязался, будто нет ничего страшнее контролера в этой ЗОНЕ! Не видишь, я и так подышаю, – взвился Пижон, схватился за подбородочный ремень, будто хотел его порвать и яростно уставился на сержанта, – расстегни!!

Фаза долгую минуту смотрел на бледную зверскую физиономию и перекачивал желваками:

– Давай так, – сказал он спокойно и даже примирительно, – я тебе сейчас кое-что расскажу, а ты послушай и не перебивай. Если после этого все же решишь снять шлем, я расстегну замок. Лады?

– Лады, – согласился Пижон, вытаскивая пальцы из-под ремня.

– Был у меня друг, – сержант замолчал, достал сигарету, прикурил. По известной причине не стал предлагать парню. Сделал затяжку, выпустил дым носом.

– Как-то меня и Тихаря Нагибауэр отправил к Сидоровичу передать флешку с инфой. Я тогда еще не был звеньевым и с Тихарем ходили под Люггером. Дорожка в «Деревню новичков» была несложная, за день укладывались туда и обратно. Шлемы тогда были не такие, как теперь. Пси – защита слабая, фильтров надолго не хватало, уплотнители дерьмовые, в общем, полное «г». Поэтому на такой легкий маршрутец пошли без них. Молодыми были, не особо опытными. Уже подходили к Бару, часа два пути оставалось, не больше. Идем через воинскую часть, а из столовки выскакивает стая слепяков и за нами. Укрылись мы в казарме. Нам наудачу, входная дверь в подъезд уцелела. Хотя и болталась на одной петле, путь мутантам преградила. Мы ее подперли тумбочкой дневального и грифом от штанги. Поднялись на второй этаж, решили подождать, пока сямки уйдут, заодно перекусим. Я поел, по лесенке забрался на крышу оглядеться. Сигаретку закурил, смотрю на Зону проклятушую, как сейчас, помню, подумал: «А на хрен оно мне надо?». И тут слышу, с лестницы Тихарь меня зовет:

– Макс! Макс!

Я сразу заподозрил, что-то неладное. Хотя Тихарь знал мое имя, никогда меня им не называл. Я его тоже, только погонялом.

– Макс! – снова слышу его с лестницы. А голос такой, будто... ну как тебе сказать? Будто «карачун» его парализовал, оплетает, а он только языком может шевелить и то еле-еле. (Пижон сразу вспомнил, как сам немел и превращался в гипсовое чучело, а сержант стоял над ним и лекцию читал. Господи, как это давно было). Или вот, – Фаза нашел лучшее сравнение, – словно анестезией обкололи десна, прежде чем зуб выдрать.

Подхожу, значит, я к люку остороженько так, заглядываю на лестничную площадку. Смотрю в щелку, там Тихарь стоит. Стоит словно в воду опущенный, руки плетями висят, голову склонил и без автомата. Все, думаю, приплыли. Дверь за ним нараспашку, никого за ней не вижу, хотел было на колено опуститься, чтобы через люк заглянуть подальше, но передумал. Еще раз посмотрел на дружка своего, мороз по телу прошел. Понял я, никто его на прицеле не держит, и сам себе он больше не хозяин. Что делать? Я на крыше, ничего нет на чем спу-

ститься, люк один, не обойти не подкрасться, – голос Фаза загрубел, обесцветился, смотрел немигающим взглядом, позабыв о тлеющей сигарете. – Контролер Тихаря захомутил. Мутант жутко опасный, нельзя с ним вступать в прямой контакт.

Я залег у люка, сдвинулся влево, оставил небольшой сектор для наблюдения. Тихарь в центре и немного пространства позади. Думал, если мутант выйдет, сразу уложу. Но он не появлялся, а заставил Тихаря звать меня. И Тихарь звал. Минут пять звал. Я все это время сверху на него смотрел, ждал, когда контролер выйдет. Тот не появлялся, тогда я достал эргэшку и швырнул с крыши. Думал, взрыв отвлечет мутанта, отпустит Тихаря, тогда может получится увести его. Херушки. Взрыв отвлек контролера, он, наверное, пошел к окну посмотреть. Но и Тихаря увел с собой. Только хотел быренько слезть, а Тихарь уже снова выходит и меня зовет... Ай, – Сержант дернул рукой, бросил окуроч, – копать – хоронить, – посмотрел на обожженные пальцы.

– В общем, залег я, – продолжил Фаза историю, – жду, когда мутяра высунется. Тут Тихарь начал раздеваться. Разделся догола. Стоит понурый и опять меня зовет, как заведенный: Макс, Макс, Макс. Я, понятное дело, не выхожу, понимаю, что псионик меня выманивает. Тихарь замолчал, с минуту стоял истуканом, затем наклонился и отстегнул от разгрузки нож. Выпрямился, движения у него были такие, словно марионетка, словно кто-то невидимый его руками манипулирует. Бац. Воткнул нож себе в бедро. Дернулся от боли, а контролер, надо думать, так его крепко ухватил, что он даже пикнуть не может. Застонал Тихарь, голос его такой жалостливый стал, того и гляди расплачется: «Фаза, дружище, помоги, брат». Ух, у меня тогда все внутри сжалось, ком к горлу подкатил. И ведь ничего сделать нельзя, мутант за стеной прячется. Кровь ручьем по ноге течет, лужа под ним уже образовалась. Начал лезвием в ране крутить, что-то там задел, подогнулось колено, грохнулся он. Причем, как полено – ни руку не подставил, ни лицо не отвернул. Лежал с минуту неподвижно, потом зашевелился, сел, привалился к стене. Весь бок, лицо в крови перепачкал, нож в ноге торчит. И все ноет:

– Макс, друг, помоги мне.

Я лежу, смотрю на все это сверху, сердце кровью обливается, думаю: «Ну, выйди покажись, сука, хоть на мгновение». Терпеливый мутант оказался, знал, что еще второй есть, на крышу ушел, поэтому Тихаря под люк подсунул. Измывался над ним, да и на до мной тоже минут десять, а тогда мне показалось не меньше часа. Располосовал себя Тихарь вдоль и поперек. Когда живот распорол и начал кишки в рот пихать, я не выдержал. Одним выстрелом уложил его. По-хорошему надо было бы раньше. Не заслужил он такое терпеть. Но я не мог, все надеялся – покажется контролер, высунется... А когда Тихарь откинулся, побросал в люк оставшиеся две гранаты, прыгнул на площадку, скатился по лестнице кубарем и сломя голову вдоль казармы, чтобы мутяра меня через окна не хапнул. Псы к тому времени рассосались. Наверное, почувствовали контролера и свалили подобра, поздорову. Вот так Пижон бывает, когда зону бояться перестаешь.

Фаза встал:

– Пойду, осмотрюсь. Ты допивай давай, скоро идем, – буркнул сержант и пошел в лес. Думал он, все зажило, затянулось, ан нет. На душе было гадостно и горько. Выложил Пижону все начистоту, утаив лишь две детали: первая – до того, как распороть живот и начать пихать кишки в рот, Тихарь отрезал себе гениталии и съел их. Половина лица от глаз и ниже были в крови, он походил на обожравшегося кровососа.

Еще он не рассказал, что Тихарь закаленный, стойкий вояка плакал и скулил, как девка. По щекам текли крокодиловые слезы, мешались с соплями и кровью. Что-то там контролер ему переключил, что чувствовал он всю эту адову боль.

Тихарь ему дважды жизнь спас, а в последний раз, когда угодили в засаду к «бандерлогам» раненого тащил на горбу пять километров, а потом в лазарете еще и крови своей отлил. Одной группы она у них была. После смерти Тихаря Фаза ни с кем не заводил дружбы. Был

он у него такой один человечисце. До сих пор задается вопросом: что он мог тогда сделать для него, если не убить? Убить раньше? Чувствовал сержант перед ним тяжкую вину, что позволил терпеть такое, но он до последнего надеялся спасти друга.

Пижон некоторое время сидел неподвижно и представлял все в красках. Выходила жуткая картина. Затем допил энергетик, откинул пустую банку. Шлем снимать ему расхотелось.

Глава 3. Исследовательский центр

– О, слышите? – Сверчок поднял палец. Все замерли и напрягли слух. В тусклом свете аварийного освещения его лицо виделось бледнее обычного и заостренным.

– Что именно? – прошептал Ссэр, глядя на парня, у которого рот медленно растягивался в нехорошей улыбке, словно уголки рта тянули гвоздиками.

– Губная гармошка. Так, мой батя играл, – Сверчок поднял руку и стал помахивать кистью, подобно дирижеру, – выиграл в парке аттракционов в Киеве. До последнего дня дул. Здорово у него получалось. Она звучала все тише, будто помирала вместе с ним.

– Это че? Побочка такая? – Рама закинул в рот таблетку и с хрустом разжевал.

– Нет, он ее еще не выпил, – проговорил Малой и уже громче, – Сверчок, хватит разглагольствовать, пей антирад.

– Тихо, тихо, – парень повернул ухо чуть левее, как бы настраиваясь на источник. Улыбка не сходила с его губ и нервно подрагивала, что крайне не нравилось Рама. Ему как-то пришлось наблюдать Мурика, который сходил с ума, перебирая пальцами кровавые ошметки, оставшиеся от Сеги угодившего в мясорубку. Потом все два дня, что шли до базы, он загадочно улыбался, а по ночам разговаривал с покойником. От этих воспоминаний до сих пор мороз по коже. Когда пришли, он в первый же день повесился. Зачем-то надел на себя куртку и берца Сеги.

– Кончай эту пургу, – Рама, запил таблетку водой из фляги, – без тебя стремно. – Обвел взглядом мрачные бетонные стены бункера, до которого, наконец-то, дошли. Расчищенная и закатанная под асфальт небольшая площадка вокруг постройки растрескалась, проросла травой и почти полностью затянулась мхом. Бетонные секции забора еще кое-где стояли, но большинство рухнуло и потонуло в сухостое. Две из четырех наблюдательных вышек обвалились, остались торчать лишь швеллеры.

Металлическая, массивная дверь открылась на удивление легко, без единого скрипа. Перед мысленным взором Рама возникли здоровенные петли с наплывами выдавленного солидола.

Но прежде чем сдвинулись ригели, профессор достал из контейнера замысловатый прибор с кнопками и минут десять колдовал над электронным замком.

Послышался глухой щелчок, Рама надавил плечом, не особо надеясь на результат. Сколько прошло лет, когда ее последний раз открывали?

Был и второй вход, точнее, лаз. Его пробил в бетонной стене при помощи пластида, а затем расширил ломом, найденным в гараже, Штуцер. Узкое отверстие с острыми краями и гнутой арматурой не подходило для задач миссии. Если человек с трудом мог протиснуться, то транспортер никак.

Еще в лесу на очередном привале кашляя, с передыхами профессор поведал, что центр в четыре этажа подобно айсбергу скрывается большей частью под землей. Сверху остались помещения для службы безопасности, контрольно-пропускной пункт, некоторые складские сооружения и гараж. Постройки возводили основательно, не на одно десятилетие. Но в какой-то момент что-то пошло не так, взорвался атомный реактор. Персонал пришлось эвакуировать.

Здесь профессор слукавил. Эвакуировать было некого. На консервацию его поставила автоматика. Немцы отправили экспедицию, выяснить, что произошло, но из-за серьезных потерь и трудностей она была вынуждена вернуться.

О центре забыли, пока не появился тот самый Штуцер. Он проложил к бункеру дорожку и даже умудрился попасть внутрь. Но ниже второго уровня спуститься не смог. Дорогу преградила бронированная дверь. Он быстро похватал, что успел – радиация зашкаливала, и смотался. С информацией, с документами явился в Российскую лабораторию «Нейтрино». Оттуда сталкера этапировали за кордон, затем в Москву. Там следы Штуцера теряются.

– Малой, – заговорил вновь Рама, обходя дежурное помещение со столами вдоль стен, с блоками зарядных устройств для радиостанции, с пультом управления, с погасшими мониторами, с микрофоном и с оружейным шкафом, – а эти ваши пилюли точняк радиацию глушат? – спецназовец покосился на профессора, который сидел на транспортере, согнувшись над планшетом.

– Точняк, точняк, – успокоил Малой, – да и чего тебе об этом переживать. Мы уже почти у цели.

– А чего тогда вообще их употребляем? – Рама прямо посмотрел на помощника.

– Ну, – хмыкнул Малой, – до «шара» еще дойти надо.

– Так-то да, – согласился Рама и спросил снова, – что вообще изучали в вашей лаборатории?

– Во-первых, не в нашей, во-вторых, это исследовательский центр, а не лаборатория. Разница существенная. В-третьих, все разработки на территории зоны страны коалиции держат в секрете. Об объекте известно только, что взорвался реактор и после этого был законсервирован.

– М-да, – Рама скривил физиономию, задержка и неведение его нервировали. Сил было хоть отбавляй, не терпелось скорее добраться до ШАРА. От предвкушения сердце билось чаще обычного и что-то там под ложечкой поджигало.

Он подошел к бронированному стеклу, посмотрел на «вертушку», на зарешеченный предбанник, в отражение заметил мерцание от включенного ПДА, обернулся, – Чего док, интересного увидел?

С сигаретой в зубах Ссэр колдовал над коммуникатором, после слов Рама, выключил устройство, опустил руку:

– Ничего хорошего. Дозиметр с ума сходит.

– Похер, – хмыкнул Рама, – скоро все будет похер. Ты придумал, что просить будешь?

– Придумал, – невесело отозвался медик.

– Медсестру на двух ногах? – осклабился спецназовец.

– Иди к черту, – Ссэру было не до шуток. Ему казалось, что он один понимает, как все далеко зашло и как все необратимо. Не верил он в чудодейственные таблетки и в «шар» не особо. В эти минуты бездействия, которые профессор потребовал для рекогносцировки, им вдруг овладело чувство напрасности. Напрасно загубленной жизни в погоне за напрасной целью с напрасными людьми. Все увлечены «исполнителем желаний», просто заколдованы. Случись с ним беда, никто не станет рисковать и задерживаться. Профессор – их путеводная звезда, на ладан дышит, а вменяемость вызывает сомнения. Он перестал разговаривать, лишь изредка перешептывается с Малым. После стычки с монолитовцами Олег Юрьевич уже не одевал шлема и помощник тоже. Радийную коммуникацию поддерживали только Ссэр и Рама.

С транспортера послышался скрип то ли несмазанной калитки, то ли выдираемого из доски гвоздя. Малой быстрым шагом подошел к профессору, склонился к самому раструбу капюшона. Зашуршали слова. Малой слушал и кивал, затем выпрямился, уверенным шагом подошел к пульту управления. Поискал глазами по тумблерам, кнопкам, задерживаясь под некоторыми и читая надписи на немецком. Вдавил кнопку, щелкнул одним переключателем, вторым – панель вспыхнула, загорелся монитор с цифровой раскладкой. Тыкая пальцем по сенсорному экрану, Малой набрал комбинацию. Секунду-другую ничего не происходило, а затем в глубине под ногами что-то глухо загудело. В дежурке, в коридоре вспыхнули потолочные плафоны. Центр оживал.

– Опа, опочки, опопулюшки, – Рама заулыбался, задрал голову и щурился на свет, – кажется, скоро приедет лифт. А Сверчок? Прокатить тебя с ветерком? – пытался шутить здоровяк, то ли подбадривая других, то ли самого себя. – Кончай с музыкой. Таблетку съел? –

он посмотрел на все еще улыбающегося парня с кулаком. – Придурок, тебя сейчас радиация шпилит во все дыры. – Спецназовец подошел, тряхнул Сверчка за плечо.

Тот с улыбкой «малахольного» медленно перевел на него взгляд.

– Ешь таблетку, – настойчиво проговорил спецназовец, – здесь радиация сильная, она убивает.

Все с той же улыбкой, не сводя немигающих глаз с Рама, Сверчок поднес кулак к губам, разжал пальцы, отпустил таблетку в рот.

– Вот и молодец, – по спине Рама прошел мороз. Не нравились ему уже и глаза парня. Они были будто из мыла. – Теперь запей, – указал на флягу, пристегнутую на поясе. Тот послушно ее снял, скрутил крышку, сделал глоток, повесил на место. И все это время он не сводил глаз со стрелка.

– Не ссы, носи усы, – хлопнул Рама Сверчка по плечу и отошел. Не хорошо ему было после общения с сиротой, словно проткнул ногу ржавым гвоздем, гвоздь вынул, а грязь в ране осталась.

Малой продолжал колдовать над пультом. Время от времени подходил к профессору, что-то шептал ему, получал инструкции и возвращался к переключателям. В очередной раз щелкнул тумблером, в коридоре загудело низко и тихо. На панели замигала зеленая лампочка, затем вспыхнула красная. В ретрансляторе раздался громкий женский голос: «Achtung! Achtung! Erhohte Strahlungswerte! Ich wiederhole es! Erhohte Strahlung!». (Внимание! Внимание! Повышенный уровень радиации! Повторяю! Повышенный уровень радиации!). Левая часть пульта оставалась темной, словно пораженная инсультом.

Профессор издал звук заржавевших петель. Малой подбежал, прослушал шепот, кивнул, затем выпрямился и громко сказал:

– Надо идти, Олег Юрьевич открыл замки. Уже немного осталось, парни. И тогда..., – он с натянутой улыбкой алчно потер ладони.

Все зашевелились, даже Сверчок перестал лыбиться, на что Рама уже не надеялся и для себя решил не оставлять «шизика» за спиной. Парень занял, ставшее, уже привычным, местом во главе колонны, за ним Рама далее Малой, транспортер с профессором, и замыкал Ссэр.

Коридор за дверью оказался коротким, освещался тусклым светом дежурной лампы и упирался в створы лифта.

– Ты прямо как в воду глядел, – тихо проговорил Ссэр в микрофон, обращаясь к единственному, кто мог его слышать.

– Ну, так, – немного нервно ответил Рама.

Запирающая проход переборка сдвинулась в стену. Перешагнув железный рельс, разделяющий коридор и холл, Рама взглянул на дозиметр. «Долбись – колотись! Пипец моим причиндалам. А еще на лифте вниз!!!». Спецназовец остановился, ощущая, как подскочил пульс. Обернулся, встретился взглядом с Малым, сказал:

– Здесь уже почти пятьсот рентген. Подозреваю, внизу еще больше.

– Ага, – проговорил Малой, прошел мимо. Рама медлил. Посмотрел на профессора, который восседал на самоходке, вцепившись бледными руками в джойстик, как паук в добычу. Спецназовец широкими шагами нагнал Малого, спросил:

– Антирад реально работает? – в голосе слышались умоляющие нотки, а на его фоне зади из динамиков все доносились угрожающие предупреждения рубленым немецким.

– Работает, работает, – проговорил Малой, будто отмахнулся и добавил, – нечего переживать, скоро уже будем на месте, а там желай, чего душевненьке угодно. Хочешь здоровья, хочешь денег – что в голову взбредет. В общем, скоро станешь богом, начинай формулировать мечту, чтобы потом без сучка, без задоринки.

Сверчок остановился напротив лифта, обернулся и смотрел на приближающихся людей.

– Жми, – разрешил Малой.

Сверчок вдавил кнопку вызова, сверху послышался стук, затем мерный гул.

– На века строили. Вот что значит немцы, – Малой многозначительно поднял брови, – работает как часы.

– Вот если бы еще реактор уберегли, тогда тема. А так, кнопочка, – Ссэр махнул рукой.

«Ахтунг! Ахтунг!...», продолжал звучать женский голос, от которого хотелось бежать и прятаться.

Гул прекратился, лифт остановился. Рама знаками показал, чтобы все отошли от двери, поднял пулемет. Створы расплзлись. Кабина освещалась светодиодными светильниками, внутри было чисто, просторно и все из железа. Спецназовец зря опасался, что она окажется недостаточно большой, чтобы вместить транспортер и уже прикидывал, сколько придется сделать рейсов, чтобы переправить «барахлишко» и каким боком затаскивать ослика. По изрядно пошарпанному полу и царапанным стенкам резонно предположил, что лифтом пользовались часто. Если судить по характеру повреждений, перевозили невысокие тележки.

Рама заглянул в кабину, осмотрел все углы, шагнул внутрь, сделал пару пружинистых приседаний, после чего махнул рукой, приглашая загрузиться профессору. Немного потыркавшись в проеме, Олег Юрьевич сумел завести самоходку и поставить ее вдоль торцевой стенки. За ним погрузились остальные.

– Какой? – сухо спросил Рама у Малого. От волнения и напряжения в горле пересохло. Несмотря на защитный комбинезон и принятый препарат, его не покидала мысль о лучевой болезни. Он кожей ощущал радионуклиды, которые проникают через поры и разрушающие организм. Столько прослушал лекций о вреде облучения, столько про это знал, что просто не мог не обращать внимания на губительный фактор.

Малой наклонился, вдавил кнопку с цифрой три. После смерти Чилима по протоколу Рама становился старшим группы, но своего лидерства он не ощущал. Малой с профессором и раньше давали понять, что он здесь только как охранник. А оказавшись на месте, вообще, не нуждаются в его услугах.

Спецназовец не переживал по этому поводу. Ему было о чем думать, кроме как о субординации. Он мысленно загибал пальцы, заглядывал в отдаленные уголки памяти, вспоминая, чего желал, чего желает и чего бы мог пожелать.

Лифт тронулся плавно без рывков, постепенно набирая скорость. Люди в кабине стояли молча и прислушивались. Голос «Ахтунг! Ахтунг!» затихал, слышался гул моторов, переключивающих троса.

Лифт остановился так же мягко и беззвучно, как и тронулся. Двери поползли в стороны. Все столпились за Рамой, словно пехота за танком перед штурмом.

Сумрачный коридор освещал мерцающий на издыхании потолочный светильник, намекая на трагические события. Полумрак и опасная неизвестность присутствовали здесь в полной мере. Это ощущал каждый, поэтому не спешили выходить из яркой безопасной кабины и только пугливыми глазами шныряли вдоль крашенных стен вглубь прохода, который заканчивался таинственным поворотом направо.

– Там, – прошептал Сверчок и качнул подбородком на коридор.

– Что там? – также шепотом спросил Рама, не отрывая взгляда от пугающего сумрака.

– Там что-то есть, – Сверчок продолжал тралить пространство впереди и прислушиваться к своему внутреннему детектору. Глаза сообщали, что проход чист, никаких намеков на странности, но неприятное давление под ложечкой говорило о другом.

– Где?

– Шагах в пяти прямо, – шептал Сверчок.

Рама перевел взгляд с указанного места на экран детектора.

– Ничего не вижу, что хоть за аномалия?

– Не знаю. Но нам туда лучше не соваться. Надо обойти.

– Где ты тут обойдешь?

– Можно попробовать через другой этаж.

Сзади совсем близко – прямо над ухом Рама услышал шепот Малого:

– У нас времени в обрез. Можно сказать, нет вообще. Надо идти здесь, прямо сейчас.

Рама понял, к чему клонит научник. Он не хотел это говорить Сверчку. Несмотря на «закидоны», испытывал к сироте жалость, но ШАР...

– Сверчок, давай остороженько вперед, – шептал он по-дружески, – у нас нет другой дороги и возвращаться нет времени. Иди, не бойся, проскочим.

Сверчок обернулся и в упор посмотрел на спецназовца. Несколько секунд он всматривался в стекла бронемаски, словно выискивал там нечто большее, чем органы зрения.

– Пошел, – рывкнул Рама, начиная злиться от того, что этот «шипиздрик», который ему по грудь и ровным счетом ничего из себя не представляет, заставляет терзаться муками совести.

И Сверчок, и Рама знали, что может произойти. Оказывается, понял здоровяк, командовать не всегда сладостное занятие, как думалось раньше.

– Иди уже, – послышался из-за спины гневный шепот Малого.

Рама не стал оборачиваться и говорить, что в дублерах не нуждается, как это сделал бы Фаза, он продолжал доветь и мысленно подталкивать парня вперед на смерть.

Сверчок не двигался и все смотрел на Раму большими влажными глазами. Был он сейчас маленьким, жалким, но ведь... ШАР.

– Если что, – заговорил Рама миролюбиво, – я тебя верну. Там у «шара». Чилима верну и тебя, клянусь, а сейчас иди, не доводи до греха.

– Может, машину пустим сперва, – проговорил Сверчок едва слышно.

– Нет, там ценное оборудование, – сказал Рама, словами профессора, не особо понимая, зачем для ШАРА какие-то приборы. Насколько он слышал, надо лишь приложить руку и пожелать. Тем более, разгружать, спускать профессора, потом, как все это добро тащить, если ослик накроется.

Рама выстрелил. Грохот в стесненном помещении прозвучал зубодробительно громко. Сверчок вздрогнул, поджал руки к груди, глаза полезли из орбит.

– Иди, – сухо сказал Рама. Что-то связанное с выстрелом и неподчинением у него в голове промелькнуло. Подумал: «Насколько невелик выбор методов, когда очень надо, а под рукой только пистолет или пулемет».

Сверчок пошел. На подгибающихся, трясущихся ногах он жался к стене, рассчитывая обойти аномалию стороной. И, кажется, начал различать ее границы. Этот лежащий по спирали мусор: палочки, осколки стекла, что-то металлическое, словно разрезанная на полоски пивная банка, кружляк с надписью похожий по размерам на крышку от бутылки подтверждал опасения. Отчего становилось не по себе, и сердце колотилось в ребра, будто хотело вырваться, не погибать вместе с этим отчаянным.

Рама собрался сказать Сверчку, чтобы тот шел посередине коридора, чтобы разрядил собой аномалию, потому как бочком проскользнуть смогут не все. Не успел. Лежащий на полу мусор поднялся, словно по волшебству и подобно птичьей карусели стремительно закрутился в воронку.

Раздался вскрик, который быстро перерос в вопль, а затем в жуткий захлебывающийся вой. Поднявшаяся пыль и мусор, скрыли Сверчка.

Оставшиеся столпились у раскрытого лифта и во все глаза смотрели на то, как аномалия кромсала парня. Серая пыль быстро превратилась в красную. В спиральной круговерти начали возникать большие и мелкие бордовые куски. Два или три по инерции отлетели в стороны и со шлепками врезались в стены.

– Она его расчленяет, – прошептал Малой, прячась за могучую спину спецназовца. Не в силах оторваться от кроваво безумной картины, Рама глядел, как аномалия неспешно убивает парня. Господи, как же он долго орал. И даже когда умолк, она продолжала его кружить, удерживать на ногах и обстругивать.

Когда все стихло и улеглось в центре кровавого фарша, из-под которого ручейками растекалась кровь, остались лежать голые кости, железные пуговицы, пряжка от ремня, складной нож, гайки, застежки от вещмешка и цепочка.

Позади послышался сдавленный звук рвотного позыва, Рама не обернулся. Он продолжал, не моргая, смотреть на то, что осталось от Сверчка, старался разглядеть, что там в крови на цепочке, серебряный крестик или образок.

– Надо идти, – послышался хрипчатый голос медика. Расталкивая наблюдателей, он вышел из лифта и уверенным шагом направился по коридору. Рама дождался, когда тот переступит через бордовую кучу и, поскользнувшись на крови, пройдет гиблое место, после чего двинулся следом. За ним потянулись мул с профессором и Малой.

– Я слышал о такой хрени, – говорил Ссэр с сигаретой в зубах. Дым карабкался по небристой щеке и закрывал ему правый глаз. Шерлоковская хрипотца в ограниченном пространстве звучала насыщенно и даже как-то бархатно. Остановка на передых и ориентировку, дала медику время поделиться знаниями. – Называется «скальпель». К нам спеца одного принесли. Руки, ноги были обкромсаны, словно над ним обвальщик поработал, – по большей части медик обращался к Рама, так как Малой с профессором зависли над планшетом, водили пальцами и тихо переговаривались. – Да и так, всего порезало, живого места не осталось, – продолжал вещать Ссэр, – Эта аномалия под бронник даже забралась. Его притащили без одежды обмотанного бинтами. Прямо как мумия – с ног до головы. Видел бы ты его, когда хирурги разматывали. Бр-р-р, кровоточащая туша, а из нее стекляшки всякие, щепки, железки торчат, – Ссэр печально качнул головой, – Феликс, один из тех, кто его принес, рассказал, что где-то на АТП пацан вляпался. Тоже вроде бы ничего не предвещало: детекторы молчат, никаких внешних проявлений. Потом бац, закружило, завертело. Пока кошку разматывали, пока кинули, пока вытаскивали, а он уже и стоять не может. Феликс сказал, что эта чертова аномалия время от времени просыпается и гуляет, кружит, как буранчик, собирает мусор всякий железяки там разные, стекляшки, палочки, в общем, что потверже. В этом вихре предметы трутся друг о друга, о стены кирпичные, об асфальт и таким Макаром затачиваются. Когда все готово, вьюжка затихает, раскладывает свой рабочий, так сказать, инструмент и ждет.

– Сверчка жалко, – пробурчал Рама.

– Да всех жалко, – вторил Ссэр, – и Седого, и Чилима, и Кишлака...

– Седого не жалко, – перебил медика спецназовец, – без него только дышать стало легче.

Гнилым был.

– Ну, это ваши дела, – Ссэр достал из фирменного портсигара сигарету, прикурил от бычка, распыхал огонек, проговорил, пуская дым, – попрошу, чтобы курить бросил. За жабры табачка меня ухватила крепко. По две пачки смолы за день.

– Как думаешь, – спросил Рама, – если человека вернуть, он такой же будет, как и раньше, или того, ... ну, как зомбьяк?

– Не знаю, – медик внимательно посмотрел на спецназовца, – ты это о ком?

– Ладно, забей, – Рама отвернулся, сплюнул, помолчал с минуту, снова спросил: – Скажи, эта срань, что у Пижона, у нас тоже, может, быть?

– Может, – без лукавства ответил Ссэр. – Как я понял, это инфекция. Тот, у кого самый слабый иммунитет, заболевает в первую очередь. Но, можешь оказаться просто носителем, как Сверчок. Жил и не подозревал. А так по-хорошему, нужны анализы. Я такое впервые встречаю. Тебя осмотреть?

– Не надо, – буркнул спецназовец, – дойдем до ШАРА, все порешаю.

– Так-то да.

– Пора. Ссэр, Рама давайте, двигаем дальше, – засуетился Малой, – уже совсем близко.

Рама подкинул на плече пулемет, покосился на профессора. Тот скрюченный под капюшоном сидел на транспортере столетней развалиной.

– Нам туда, – Малой пальцем указывал в сторону широкого коридора. В свете тусклой, мигающей под потолком красной лампы, Рама разглядел тянувшийся по правой стене ряд разбитых, местами уцелевших панорамных стекол. Судя по осколкам, они были толстыми, возможно, бронированными и после взрыва реактора частично разрушились. Мелкие осколки валялись по полу и вспыхивали красными искрами синхронно с аварийной сигнализацией. Вспыхивали и гасли шлема, стены, отполированный пол, понижали эффективность ПНВ. В итоге Рама отключил «ночник» и воспользовался фонарем.

Он сильнее притиснул приклад к плечу и с мыслями о ШАРЕ плавным, перекатывающимся шагом двинулся дальше. Не будь на нем бронемаски со встроенным респиратором, он не был бы таким уверенным в своих действиях.

Легкий запах тухлятины тянулся из поджидающей впереди темноты. Малой с Профессором чувствовали его и были к этому готовы. Но кроме запаха, Рама не обратил внимания на поведение младшего научного сотрудника. Тот перестал бегать к своему патрону за инструкциями, а Олег Юрьевич на шагающей машине вовсе стал незаметным. Он не издавал ни звука и казался мертвым, если бы не пальцы, которые едва уловимыми движениями управлялись с джойстиком.

Рама крался по коридору, весь обращенный в слух и зрение. Осколки мерзко скрипели под подошвами. Справа за разбитыми стеклами проплывали лаборатория с множеством приборов и исследовательским оборудованием. Некоторые массивные установки занимали место от пола до потолка. Кое-что спецназовец узнавал: хирургический стол, хирургическая люстра над ним, облучающая рамка, МРТ, столик из нержавеющей стали под инструмент, аппарат искусственной вентиляции легких, медицинский шкаф, микроскоп, пробирки, колбы. Пожалуй, и все.

В отличие от него, ученым, в особенности профессору, все было предельно ясно. При виде лаборатории он оживился, повернулся вполборота к разбитым перегородкам. Его влажные глаза алчно поблескивали из капюшонной темноты. Малой тоже, то и дело поворачивался в ту сторону, словно там скрывался магнит.

Рама не сразу разглядел на полу прямо по курсу вытянутый предмет с утолщениями на краях, а когда это ему удалось, остановился как вкопанный. Предметом оказалась бедренная человеческая кость. Так, он подумал, хотя вполне могла быть костью мутанта. Но он почему-то сразу решил, что именно человеческая. Эта уверенность подтвердилась несколькими секундами позже. В углу возле закрытой двери обнаружился раздробленный череп с уцелевшей лицевой частью, форму которой нельзя спутать ни с какой другой. Он блестел в луче фонаря отполированный, гладкий, будто неоднократно обсосанный. Спецназовец поднял руку, давая знак всем остановиться.

– Малой, подойди, – позвал он ученика.

– Смотри вперед, – произнес, когда тот приблизился, – видишь череп?

– Да, – ответил Малой, – наверное, не все успели эвакуироваться.

– Ага, а кости разбежались сами, – невесело пошутил Рама.

Малой не нашелся, что на это ответить, переводил взгляд с бедренной кости на череп, затем обратно.

– Здесь, кто-то есть, – снова заговорил спецназовец, – кто-то, кто невосприимчив к радиации и питается мясом.

Произнося свои выводы, Рама пристально всматривался в сгущающийся сумрак коридора и в угадывающееся левое ответвление.

В это время от массивного рентгеновского аппарата плавно отделилась тень и бесшумно двинулась в сторону людей. Она осторожно вплывала в свет аварийного освещения и превращалась в жуткое создание трехметровой высоты. Существо сильно сутулилось, казалось, не в силах носить массивную грудь и мускулистый плечевой пояс с длинными верхними конечностями. Если бы оно их не поджимало к животу, то костяшки плоских пальцев тащились бы по замусоренному пыльному полу. Все в складках, с парафиновой желтоватой кожей, с сочащимися гнойными глазками, с сопливым приплюснутым, будто вдавленным в череп носом, с отвислой зубастой нижней челюстью, все в язвах, в струпьях, с черными очагами некроза. Хотя оно и выглядело разлагающейся, умирающей сущностью, двигалось уверенно. Длинный змееподобный язык скользнул меж зубов, облизал гнойный глаз, затем другой, снова утек в пасть. В плавных осторожных движениях читалось сосредоточенность охотника.

Тварь неотрывно смотрела на людей, точнее, на впереди идущего здоровяка. Внезапно она остановилась. Медленно перевела взгляд гнойных глазок на транспортер, несколько секунд, стояла неподвижно, а затем так же неслышно, как и появилась, отступила в темноту.

Выставив пулемет, Рама крался по коридору. Кроме движения у рентгеновского аппарата, он не заметил шевеления возле компрессорной установки. Тень потянулась к людям, но затем остановилась.

Поредевший отряд шел плотной цепочкой, укрываясь за Рамой, словно за утесом, который заслоняет от шквалистого ветра.

Как скоро выяснилось, третий уровень оказался не последним. Метров через двадцать пять широкий коридор оканчивался просторной лестничной площадкой, за которой раздваивался. Одна его часть еще метров шесть тянулась по прямой, затем уводила влево, а другая пологой галтелью спускалась вправо вниз, изгибалась под 180 градусов и ныряла под площадку. Малой указал на галтель.

Рама сразу ощутил наклон поверхности. Потянуло вперед, шаг сделался широким. От напряжения начали подрагивать руки, а ствол постепенно клонился к полу. Рама ощутил, что сердце бьется уже где-то под горлом. Палец как нерв замер на спусковом крючке и был готов в любой момент нажать. Какая только хрень не лезла в голову, одна мрачнее другой. Вспомнился звук, который он не забудет, даже когда настанет время помирать. Случилось это года четыре назад еще до того, как попал к «фазерботам». Ходил в звене Герыча. Забрели как-то на целлюлозный завод, что за путями. Перцу, которого сопровождали, край надо было попасть в пожарное депо. Насколько Рама понял, был он вовсе не ученым, а «ко'мерсом», коему почить в патоке обрыдло. «Жизни хочу настоящей ощутить, – говорил он, – которая там и водится, где бок о бок со смертью трется. Заодно пороху нюхну, себя испытаю».

Шел он картой какого-то сталкера с птичьей кличкой, сразу и не вспомнишь. И не за трофеями вовсе, а по «историческим местам», может, брехал, скользким был тип до определенного момента. Уже на обратном пути захотел на крышу целлюлозного цеха подняться. Так сказать, широким взглядом узреть.

Обходили огромный станок с бумажной бухтой тонн на десять. С края рулон изодрал какой-то мутант.

Герыч шел первым за ним Рама, следом «ко'мерс», потом Флойд и замыкал Целик. За каким бесом этот вроде бы неглупый мужик, который прошел полный инструктаж, которому всю дорогу втемяшивали – след в след, кинулся за распределительный щит? Увидел, что-то ценное? Испугался?

Прежде чем разорвать, «мясорубка» его хорошенько отжала. Звук при этом был такой, словно скручивают тугой кожаный бурдюк. Трещит, скрипит комерс, стонет натужно, будто

сопротивляется аномальной силе. А потом бабах – разлетелись клочки по закоулочкам. Заглянули за щит и ничего, кроме кровавых ошметков там не увидели.

И вот звук этот сыромятный, нет-нет, да и всплывет в памяти. Пустит мороз по коже, заставит по новой представить, как мужик пыжится, а она его все равно крутит, не спеша, как удав добычу. И что больше за душу берет, Рама не определился: то ли натужный стон, то ли кожаный скрип.

«А Сверчок? Нет, только не так, – говорил себе Рама, делая очередной шаг, – лучше быстро и сразу». Почему-то он больше убивался по беззащитному парню, которого пустил на заклятие, чем по матерому наемнику Чилиму, который знал на что шел и под всем подписался. Рама жалел Сверчка, чувствовал вину перед ним и всерьез подумывал, если после своих желаний еще останется запас, обязательно попросит за его, а потом за Чилима.

Сзади слышались шаги, равномерное тихое подвывание сервоприводов, шорохи одежд. «Надо бы растянуться, опасно так в куче. Ну да ладно, почти на месте».

По галтели спустились на четвертый уровень. Здесь света не было вовсе. Пришлось включить ПНВ. Ссэр последовал примеру Рама. По стенам шнырял одинокий луч фонаря Малого.

Короткий коридор в десять шагов, две двери справа, одна слева, закончился. За ним запахнулось большое пространство, заставленное по большей части с левой стороны громоздкими установками. Некоторые были повреждены взрывом. Как догадался Рама, это и был реактор. Из-за раскученного металла проливалось тусклое свечение.

– Пришли, – в наушниках послышался усталый голос Ссэра.

– Стойте! Спешить не надо! – сказал Малой, – есть одна проблемка.

– В каком смысле? – Рама обернулся к научнику.

Тот суетился вокруг профессора.

– Эй, Малой, – не отставал спецназовец, – что за проблемка?

– Полтергейст, – продолжая заниматься своими делами, не сразу ответил Малой. Он помогал Валерию Степановичу сесть на край платформы и спустить ноги. Затем осторожно снял один из алюминиевых контейнеров, поставил на пол. Снова вернулся к транспортеру. Приподнял крышку небольшого ящика, закрепленного у правого борта, произвел какие-то манипуляции, после чего последовательно соединил все контейнеры между собой гибкими шинами через утопленные в корпусах и защищенные сдвижными консолями штекеры. Затем помог профессору встать и развернуться. Продолжал его поддерживать, когда тот трясущими руками взялся за пульт управления и задвигал стики.

Через несколько секунд, часто переступая на механических ногах, груженный мул развернулся по направлению к реактору. Из внутреннего кармана куртки Малой извлек еще один пульт, только намного проще, чем у профессора – с красной кнопкой и с защищенным откидным колпачком переключателем.

Хотя расстояние было приличное, примерно пятьдесят метров, тусклого света хватало, чтобы подкрасить белым напряженную фигуру Малого, его заострившееся, сильно осунувшееся лицо, скрюченного профессора, руки с пультами, алюминиевые контейнеры, транспортер.

Несколько секунд они стояли неподвижно, как статуи и смотрели на белое свечение, затем скрюченный палец двинул стик. Мул взвизгнул приводами и по прямой направился к центру зала.

– Там же научное оборудование, – неуверенно проговорил Рама, начиная догадываться, что возможно, в алюминиевых ящиках нечто другое, к примеру, генератор излучения, способного нейтрализовать мутанта. Насколько он был осведомлен, полтергейст слеп и глух, ориентируется лишь на электромагнитные импульсы с поля, которое «расстиляет» вокруг себя.

Рама не ответили. Профессор и Малой продолжали напряженно смотреть на транспортер. Мул перемещался, не спеша, и безостановочно. Это сработало. Яркая вспышка слева у стены среди громоздких шкафов и установок озарила помещение, раздался треск разрядов,

следом сотни мелких и десятки крупных молний заполнили пространство, а затем устремились к машине. Они окутали ее, жалили и кусали, как пчелы шершня. Тем не менее механический ходок продолжал движение. Более того, он повернулся и бодрой рысцой направился к эпицентру.

От яркого света забрало затыло черной пленкой. Рама отключил ПНВ. Раньше ему не приходилось встречать такие толстые, разветвленные молнии, которые напоминали длинные суставчатые пальцы. Он представить не мог, как добраться до ШАРА, не уничтожив это препятствие, и как уничтожить, тоже не знал. Они всегда обходили «полтергейст» стороной и даже не пытались связываться.

Транспортер миновал половину зала и вдруг остановился. С левого борта потянулся нехороший черный дымок. Профессор испугался, это было видно по его рукам. Большие пальцы нервно задвигали стики, другие давили кнопки, но ничего не происходило.

Ссэр медленным шагом начал отступать к коридору, из которого вышли.

Малой повернулся к профессору и не сводил с него глаз, словно они общались телепатически.

– Что случилось?! – громко спросил Рама, перекрикивая электрический треск. – Машина сломалась?

Ему не отвечали и вообще, казалось, не замечают. Малой продолжал смотреть на Олега Юрьевича. Спустя минуту, взял у него из рук пульт и бросился к самоходке. Молнии, занятые машиной среагировали не сразу, а лишь тогда, когда он запрыгнул на транспортер.

Ярко-белое свечение поглотило ученого. И о чудо мул снова двинулся вперед, своей бодрой подплясывающей рысцой.

– Что он делает?! – заорал Рама профессору, – зачем он это?! Он же умрет!!!

Олег Юрьевич неподвижно и невозмутимо наблюдал за клубком из молний.

Когда транспортер достиг модуля у левой стены, Малой вспыхнул синим пламенем и взвыл, нечеловеческим жутким голосом, будто из него вынимали душу.

Надо думать, ему и раньше было больно, но нестерпимо стало только теперь. Комбинезон лишь в определенной степени защищал. Пламя вырвалось струями из всех отверстий, словно внутри имелся нагнетатель. Длилось это светопреобразование несколько секунд. Мул с вопящим факелом уткнулся в сгусток электрической энергии и взорвался.

Мощная ударная волна опрокинула профессора навзничь. Ссэр упал на колени. Рама отшатнулся: «Там была взрывчатка!? Мы все время шли рядом с килограммами тротила!!!», – вопило его обескураженное сознание. Вспомнилось, как они, он лично не раз снимал с самоходки эти герметичные контейнеры, перетаскивали и снова грузили. Нес на плече, прижимался шлемом к алюминиевой стенке, за которой скрывалась смертоносная смесь.

Теперь становилось понятно, почему профессор так трясся над «ценным оборудованием».

– Подними меня, – услышал Рама старческий скрип. – Да подними же! – наверх пробились гневливые нотки.

Все еще прибывая под впечатлением от взрыва, Рама посмотрел на Олега Юрьевича. Тот корячился на полу, стараясь перевернуться на живот. Спецназовец подошел, наклонился, ухватил профессора под руку и одним движением поставил на ноги, поражаясь, какой он легкий. Хотя здоровяк стоял рядом, почти вплотную к ученому и при желании мог бы заглянуть под капюшон, делать этого не стал – побоялся.

– Можете идти, – проскрипел Олег Юрьевич, – он ваш.

– Кто? – не понял Рама.

– Идите и желайте, – капюшон повернулся к спецназовцу, из глубины сумрака блеснули две искорки. – Дорога свободна, – дребезжал немощный голос.

Рама повернулся к свечению. Клубы дыма и пыли медленно, можно сказать, мистически кружили в воздухе и растекались вокруг светлого пятна, напоминающего солнце за тучами.

Он пошел. В голове засуетились, затолкались желания, которые совсем недавно укладывал по полочкам. Но теперь они перемешались и толпой бросились к приоткрытой двери. Спецназовец остановился, тяжелый вещмешок, который всю дорогу давил на плечи и из-за своей нужности являлся полезной нагрузкой, теперь вдруг оказался бесполезной ношей. Рама сбросил его, ощутил, как тело устремилось ввысь. Легкой походкой хип-хоппера двинулся к «шару».

– Ты куда?! – послышался громкий окрик Ссэра в наушниках, – там может быть опасно.

– Все, теперь можно, – выдохнул спецназовец, впившись взглядом в выглядывающий из-за труб артефакт.

Ссэр быстро поднялся с пола, вывернулся из лямок вещмешка, оставил автомат и побежал за Рамой. Ему очень хотелось курить. Уже давно, наверное, с час не брал в рот сигареты. От волнения тряслись руки. «Пришли! – вопило его сознание, – теперь все можно. Все!!! Так, чего я там хотел... Сокровенного, значит... Ну да, денег, здоровья, путевку в Турцию...», – мысли зажурчали, потекли вешним ручьем. И никто уже не обращал внимания на человека, который их сюда привел.

А он не торопился, остался стоять на прежнем месте. Некоторое время наблюдал за счастливыми, и это было на самом деле так. Ссэр и Рама в предвкушении были счастливы, как никогда.

Разваливающейся походкой профессор доковылял до невзрачного алюминиевого контейнера, который Малой снял с транспортера. Опустился на колени, набрал на кодовом диске цифры, щелкнули замки. Олег Юрьевич бережно поднял крышку. Скрюченным пальцем переключил тумблер на замысловатой приборной панели, загорелись светодиоды. Он нажимал на кнопки, а автоматика выполняла команды.

Сначала выдвинулась тренога, приподнимая контейнер на полуметровую высоту. Над приборной панелью вырос телескопический стержень. Затем в сторону уползла задвижка, являя стеклянный «глаз».

В это время спецназовец с медиком стояли возле ШАРА и, положив руки на его холодную поверхность, желали. Рама сбросил шлем, а для лучшей концентрации, закрыл глаза, представил, чего хочет и начал шептать, что-то наподобие молитвы: «Шар, прошу тебя, исполни мое заветное желание, пусть в гараже у родителей... Нет, пусть в моем гараже, который будет в моем новом доме, точнее, вилле на побережье в Геленджике окажется трехсотый мустанг с откидным верхом цвета «валюты», с роботом-автоматом...

Ссэр не отставал от него, шептал свое... Только он не закрывал глаза, а наоборот смотрел настежь открытыми на чудо из чудес, растворялся в этом завораживающем свете и ничего кругом не видел. Грязные уставшие, побитые жизнью и зоной взрослые дядьки, были похожи на детей, которые забрались в магазин с игрушками.

Тонкий красный луч из аппарата устремился в стену. Затем неторопливо начал сдвигаться влево. Заполз на широкую спину спецназовца, остановился. С закрытыми глазами ничего не подозревающий Рама шептал о сокровенном. Олег Юрьевич напряженно смотрел на него, точнее на красную точку между лопаток и тоже мечтал. Три, два, один... На миниатюрном табло цифра сменила другую. Из «глаза» по направлению целеуказателя вылетел невидимый импульс. Ударил в спину, прошел насквозь и достиг артефакта. Рама, Ссэр озарились ярким белым светом, как и шар. Они замерли в тех позах, в каких были застигнуты в своем счастье. С минуту ничего не происходило, словно они ничего не почувствовали, а потом начали медленно корчиться, подобно фантику над огнем.

Они отвалились от артефакта, как отсохшая короста – первым Ссэр, за ним спецназовец. Свечение вокруг них еще некоторое время сохранялось, затем стало источаться и скоро вовсе пропало.

Со смешанным чувством страха и предвкушения профессор боязливо отпустил телескопический стержень, который все это время сжимал. С минуту постоял прислушиваясь к телу, затем с хрустом распрямил крепкие плечи, покрутил головой. И остался недовольным. Он рассчитывал на большее, ведь Рама был таким могучим, пышущим здоровьем силачом. Медик в сравнении с его вкладом даже не почувствовался. Был бы жив Толик... Но и тогда, Олег Юрьевич сомневался, смог бы восстановиться в полной мере. Вот если бы еще Чилим и Сверчок, тогда да. Наверное, «да». Ведь Олег Юрьевич «подзаряжался» впервые и пределов пока не знал. Кроме того, он в полной мере осознавал, что обнаруженный артефакт уникален и бесценен. Сержант, Пижон, Товаруга знают об этом месте, знают, что здесь скрыто.

С «эликсиром» Олег Юрьевич мог бы поддерживать себя неограниченное время. Более того, приумножить силу, до каких пределов – скоро намеревался выяснить. Сталкеров по просторам зоны бродит предостаточно и не все они в шлемах с пси-защитой. В самых смелых мечтаниях профессор не исключал, что сможет продлить свою жизнь вечно. Строил планы обосноваться в этом исследовательском центре и даже заметил сторожей.

Для начала решил выяснить влияние радиации на обновленный организм. Тело по-прежнему в своей основе оставалось человеческим. Человеческим ли? После эксперимента и срочного бегства из института ему не представился случай это выяснить. Возможно, сможет восполнить пробел в знаниях здесь. В лабораториях много исследовательского оборудования, надо лишь восстановить энергоустановку. Даже если придется идти к научным станциям и выцарапывать, выманывать яйцеголовых, он это сделает.

Олег Юрьевич развел локти, как бы стараясь соединить их за спиной. В позвоночнике приятно хрустнуло. «М-да, силушки маловато». Он снова пожалел о необходимой и в то же время бесполезной жертве своего верного помощника. Как лаборант он был никудышный, но амбициозный и главное, здоровый. Профессор это выяснял специально. Кто же мог подумать, что полтергейст заглушит сигнал с пульта. Транспортер готовился к подобным ситуациям и не раз испытывался. Его «мозги» защищали специальные экраны и изоляторы, рассчитанные на запредельные электромагнитные перепады, на радиоактивное излучение, взрывные и температурные воздействия. Впрочем, как и остальные узлы.

Профессор поставил в памяти галочку – посмотреть, что осталось от самоходки. Но это потом. Сейчас необходимо пресечь утечку информации и по возможности пополнить жизненные силы. Он начнет с Фазы и Пиждона, которые направляются к «Восточному кордону» и скоро могут стать для него недостижимы. Товаругой займется позже. Очень вероятно, Фаза подскажет, где искать сталкера. Профессор был в этом уверен, если, конечно, удастся снять с него шлем. И это тоже не проблема. Его помощники прямо сейчас выходят из темных углов и нор, послушно плетутся к лестничному маршу, чтобы затем выйти наружу, ведь в лифт, даже в грузовой они не поместятся.

Еще по пути к энергоустановке Олег Юрьевич зацепил их, с трудом, но все же зацепил. А теперь обновившийся просто вбил в их железные мозги здоровенные остроги, от которых избавиться невозможно. Они даже не поняли, что с ними случилось, волю профессора воспринимают, как свое неодолимое желание.

Олег Юрьевич наклонился над устройством, стоящим на треноге, шелкнул переключателем. В обратном порядке прибор превратился в обычный алюминиевый контейнер. По завершении процесса ученый поднял его за плексигласовую рукоятку и подобно гражданину с чемоданчиком прошел к правой стене. Сунул его в щель между блоками какой-то громоздкой установки, после чего лихо развернулся на каблуках и бодрым шагом направился к галтели.

В результате катастрофы мутанты получили свободу. Они быстро навели на этажах «порядки». Ели не только ученых, доцентов, докторов, экстернов, охранников, обслуживающий персонал, но и друг друга. Выжили сильнейшие, оказалось не так много. Профессор обнаружил и зафрахтовал три особи. Он чувствовал не только их тупое, примитивное мышление на уровне инстинктов, но еще кровожадность и голод. От мозга и костей они были пожирателями. Лабораторные образцы, выведенные в результате мухлежа с их ДНК цепочками, предназначались военным. Ощущая сущность этих монстров, трудно было предположить, для чего еще они сгодились бы.

Олег Юрьевич прошел коротким коридором и остановился. Секунду-другую о чем-то соображал, затем быстрым шагом вернулся к скрюченному на полу Раме. Взору открылось иссушенное лицо с распахнутым ртом, впалыми глазами и с глубокими ямами на щеках.

– Бойся своих желаний, они могут завести бог знает куда, – проговорил он негромко, взял мертвеца за руку и потащил к темной правой стене за баки, за трубы, за установки, за агрегаты. Рослый, широкий Рама цеплялся то плечом, то разгрузкой, то берцем, но профессор, казалось, этого не замечал. Тянул мощно и безостановочно. Немногим позже по проторенной дорожке протащился скрюченный Ссэр.

Убрав трупы, Олег Юрьевич один за другим зашвырнул вещмешки к хозяевам. Поднял за ствол автомат медика и с легкостью, будто сухую палку отправил туда же. Пулемет пнул с такой силой, что тот заскользил по полу, высекая искры, залетел под установку и с лязгом врезался в боковую стену. Перед уходом профессор поднял шлем спецназовца.

Глава 4. Встреча

Весь оставшийся день они шли. Точнее сказать плелись. Энергетик какое-то время придавал Пижону силы, но потом усталость и слабость взяли свое. Шаг его замедлился, берца отяжелели, рот не закрывался в одышке.

Фаза подумывал взвалить парня на спину или хотя бы поддержать сбоку, но отказывался от такой мысли. Мало того что он тащил их вещмешки и ныла нога, приходилось постоянно помнить, они не в парке развлечений, а по-прежнему в злой, коварной, заселенной мутантами, аномалиями и человеком зоне. Да и сам он, честно сказать, прилично вымотался. Такой трудной ходки не мог припомнить.

Сержант остановился, нашел взглядом плетущегося следом Пижона: «М-да, все, что осталось от звена».

– Ты как? – спросил он, когда тот приблизился. Хотя можно было и не спрашивать, вид парня говорил сам за себя – голова, отягощенная шлемом, клонится на грудь, бронемаска болтается, плечи опущены, ноги – заплетающиеся макароны. «Совсем как зомбьяк», нехорошая мысль хлестнула сержанта.

На вопрос Пижон поднял голову: изможденное лицо, лоб в крупных каплях, расфокусированный мутный взгляд, слипшиеся волосы и бархатистое пятно под тут как тут, словно вытекшая из носа белая кровь. Оно уже не казалось соплями и как будто расширилось. По верхней губе стекало к правому уголку рта. «Если он захочет, то сможет потрогать его языком и даже ощутить вкус», от этой мысли Фаза передернуло.

– Че? – спросил Пижон в узкую щель между запекшихся губ, едва ворочая языком.

Фаза смотрел на него тревожным, долгим взглядом: «Сто пудов придется тащить», повторил вопрос:

– Ты как?

– Таксе, – выдохнул Пижон. Его пошатывало словно на волнах.

– Делаем привал, – сержант завертел головой, выискивая местечко. Он уже больше не тратил время на осмотр стрелка и выявление новых очагов инфекции. Более того, не перевязывал свою ногу: «К чему лишние движения, волнения, вот доберемся до госпиталя, там уже спецы пристально, со знанием дела».

Думал, что такое, как у Пижона, вероятно, произойдет и с ним. Никто из тех, кто контактировал со Сверчком, не может быть застрахован. Он все чаще заглядывал в КПК и прикидывал расстояние до Кордона. Выходило не так далеко, но с той скоростью, с которой они передвигались, можно было в лучшем случае оказаться на месте во второй половине следующего дня, а если придется тащить, то вообще, под ночь.

Пижон отказался от перекуса. Едва коснувшись земли, он закрыл глаза и с усталым вздохом повалился на спину. Фаза покосился на него. Пока у того были закрыты глаза, смотрел на плесень и гадал, не увеличилась ли.

Иногда, когда брат спал, подолгу всматривался, и тогда казалось, бархатистая зараза стремительно растет, ползет на губу и затекает в рот. Он тряс головой, избавляясь от наваждения, и тогда пятно вновь приобретало реальные границы, но неприятный осадок оставался.

Очень скоро так может случиться на самом деле. Сверчок говорил эта зараза ухайдокала жену и отца за несколько дней. Однако, его не тронула. Вирус по каким-то критериям выбирает носителя и оставляет его в живых, чтобы расселяться дальше. Умно придумано, ничего не скажешь.

– Мам, – губы Пижона шевельнулись. Фаза четко расслышал произнесенное слово, так как продолжал рассматривать плесень под носом. Кажется, парень заснул и говорит с видениями.

– Да, ма, это я, Паша, – в сонном бормотании Фаза разобрал каждое слово. Долгое время Пижон молчал, сержант взглянул на часы: «Пора идти». Он встал, осмотрел окружающие их деревья. Все было тихо и мертвенно неподвижно. Осенний лес, как ничто другое напоминал о тленности всего сущего и увядании жизни. Частично сбросивший листву, он позволял смотреть дальше, чем в полном одеянии. Фаза всматривался в просветы меж стволов, намеренно оттягивал время, позволяя подремать парню лишнюю минуту. «Ну, все»:

– Пижон, вставай.

Стрелок продолжал лежать неподвижно. Сержант подошел, легонько пнул берцем его по каблuku:

– Надо идти.

Ноль реакции. Как бы ни было Фазе неудобно присесть с двумя вещмешками за спиной, он это сделал. Потрепал Пижона за плечо:

– Вставай. Еще немного.

Когда и на этот раз тот не отреагировал, Фаза заволновался всерьез и шлепнул по шлему. Еле – еле, словно в грогги Пижон открыл глаза. Они были вялыми и мутными. Причем муть была нехорошая, не сонная и не пьяная, а предсмертная. Такие глаза сержант видел у Лавсы', когда тот раненный в ногу истекал кровью. Стрелок смотрел на него и не мог узнать, кажется, так и не признал. Когда Фаза, наконец, перетянул ногу жгутом и остановил кровь, Лавса уже отдал Богу душу.

Такой же непонимающий, отрывающийся от сознания взгляд был сейчас у Пижона. От испуга, что тот скоро откинется, Фаза треснул по шлему сильнее, чем хотел. От удара голова парня мотнулась вправо, он застонал:

– За что?

– Поднимайся, давай, – нарочито злым и громким голосом проговорил сержант, выпрямляясь на ногах, – идти надо.

Не перечая, Пижон зашевелился. Как вареный с трудом перевернулся на живот, поднялся на четвереньки, а когда попытался встать, то упал, подвернул ногу. Сморщился от боли и вновь заворочался, чтобы снова попробовать.

Сержант наклониться, взял его за руку, поднял одним рывком. Когда отпустил, Пижон зашатался, словно вместо ног торчали былинки.

– Копать, хоронить, – сквозь зубы выругался Фаза. Быстро подхватил за шкварник, начавшего рушиться стрелка. «Однако Карл не врал», мысли метнулись к нагрудному карману. Странное дело, сержант почему-то только сейчас по-настоящему, без предвзятости, без бравады взглянул на положение дел, на экспедицию, на всех, кого с ним не было, а, должно быть, на умирающего Пижона, на себя, в конце, концов. «Может, это и есть переломный момент? Кабздец всему? Мне в том числе. Я просто пока об этом не знаю». Покрутил эту мысль, словно бижутерию в пальцах, усмехнулся.

Он расстегнул второй шмотник, сунул руку, покопался, придирчиво всматриваясь в вещички, прикидывая, что может пригодиться. Пижон понимал, для чего это делается, лежал на боку и молча наблюдал за действиями сержанта.

– Патроны, эргэшки есть? – спросил Фаза, рассматривая этикетку на банке консервов.

– Нет, все в разгрузке. Но... кажется, я уже не стрелок.

– Хорош ныть, – сержант кинул тушеную говядину обратно в вещмешок, продукт был ценный, впрочем, как и остальные консервы. Но сейчас ценнее были силы, которые расходовались в том числе и на транспортировку лишнего веса, – не ссы, еще побабахаеть.

Все имущество Пижона осталось под поваленным деревом, замаскированное ветками и листьями. На ПДА Фаза отметил место, больше для успокоения души, чем за надобностью. Возвращаться не собирался.

Повесив оставшийся вещмешок на грудь, сержант подошел к парню, поставил его на ноги, развернулся спиной, присел, сказал:

– Лезь.

– Я могу идти, – вяло возразил Пижон, – мне бы только отдохнуть еще немного .

– Лезь, сказал, – не обращая внимания на ропот, твердо произнес Фаза, – держись за шею и цепи ноги, я их пристегну ремнем.

Скоро они шли по лесу неповоротливой массой, хромя, с пониженным боевым потенциалом, но быстрее прежнего. Сержант клонился вперед, он в полной мере ощущал тяжесть, пусть и шуплого парня. Теперь сказывалось все: и усталость от пройденных километров, и недосып, и боль в ноге, и вес шмотника, и автомата, и даже шлема. Единственное, что придавало сил, так это близость кордона.

Фаза отослал ввэшникам сообщение о своем прибытии и просил помощи, хотя не особо на нее надеялся. Те знали, что база спецурсы работает полуполюгально, является коммерческой организацией, к тому же приторговывает контрабандой.

Впереди между деревьев блестело и переливалось: «Никак стена? – подумал сержант, – значит, она все же кругом. Кругом вокруг чего?». Он остановился, завертел головой.

– Смотри, – просипел Пижон в ухо, – барьер. Растянулся не хило так. На картах он есть?

– Нет, – ответил сержант, ощущая дуновение ветерка. Снова двинулся вперед, но уже с предельной осторожностью. Остановился в шаге от аномалии. Несколько секунд рассматривал перетекающий муар, затем вытянул ногу, сунул в зыбкое вещество. Берц, а за ним и голень прошли сквозь пленку беспрепятственно. Сержант сделал шаг, пересекая границу «круга». Теперь он звал аномалию именно так.

Левая нога, правая, снова левая и вот опять правая. Шаги превращались в метры, метры в километры, силы таяли. Боль в стопе ощущалась сильнее и одновременно тупее, словно зараза ушла в кость.

По краю Фаза обошел «Топа». Все же промок. Вследствие чего, был вынужден останавливаться, выливать из ботинок воду, просушивать их полотенцем и менять носки.

Сержант старался не смотреть на большую ногу и не замечать сползших бинтов: «Ничего, только бы до госпиталя добраться». В это время Пижон лежал на спине с закрытыми глазами и молчал. Он уже давно молчал. Лишь тяжелое дыхание сигнализировало, что он еще жив.

Покончив с сыростью, Фаза вновь взвалил на себя парня и зашагал вперед. Чахлый, вялый лес осточертел и смазывался в одно серо-желтое пятно. Сержант чувствовал, что сил осталось немного, и старался их не расходовать понапрасну. Выбирал дорожку попрямее в ущерб безопасности.

– Послушай, Макс, – зашептал Пижон на ухо, – передай ма...

– Закрой хавальник, – прохрипел Фаза, резко остановился, грузно повернулся на месте, прижал автомат к плечу. Он внимательно всматривался и вслушивался в лес, что-то там шуршало и вот совсем недавно, когда чертов нахребетник открыл рот, хрустнуло.

Он стоял неподвижно, и пристальным взглядом тралил заросли. В метрах двадцати по следу зашевелились ветви, среди пожухлой осенней листвы показалась, замелькала зеленая куртка, шлем. Хотя сержант знал, кому принадлежит такая одежда, все равно был удивлен, когда в наушниках услышал голос профессора. Тот говорил сбивчиво и задыхаясь, бронемаска глушила голос:

– Ну... наконец-то... Я уж думал... Уф... Еле догнал.

Фаза был поражен не только прытью умиравшего дока, но и его голосом. Вовсе не слышалась старческая скрипка, раздражительность, болезненная одышка. Он говорил, как вполне здоровый человек, только запыхавшийся.

– Что случилось? Почему вы здесь? Где остальные? – вопросы сами прыгали на язык, они были очевидными и важными.

– Сейчас..., – Олег Юрьевич остановился в нескольких шагах от сержанта, наклонился, упер руки в колени и тяжело, шумно дышал. Правой ладонью прижимал к ноге, подмигивающий зеленым огоньком, детектор. Берца, брюки до середины голени были сырыми и облепленные ряской.

Фаза спустил Пижона на землю. Парень молчал и напряженно всматривался в стекла бронемаски руководителя экспедиции.

Сержант терпеливо ждал, пока профессор отдышится и ответит на вопросы, внимательно осматривал лес кругом, особенно вглядывался в ту сторону, откуда пришел «нежданчик». Он не находил объяснение резвости ученого, кроме, как чудо, которое могло случиться вследствие исполнения заветного желания, либо использование какого-то артефакта. Беспокоило, что он был один.

– Ну, так, где остальные? – не выдержал Фаза.

Не распрямляясь, Олег Юрьевич повернул голову и снизу вверх посмотрел на сержанта:

– Они там..., – он кивнул назад. Говорил профессор с придыханием, ему по-прежнему не хватало воздуха, – Раму, Ссэра и Толика завалило... обломками... Мы нашли ШАР... но полтергейст обвалил пере...крытия, – Олег Юрьевич с трудом выпрямился. – Они, как увидели исполнитель, словно обезумели, – дыхание профессора выравнивалось, – бросились к нему, полтергейст тут их и накрыл. Рама с Толиком точно живы. Я слышал, как они кричали и звали на помощь. Кажется, мутант похоронил себя тоже, так как больше не проявлялся. После взрыва энергоблока конструкция сильно пострадала, он не предполагал, что колонна рухнет. Швырнул в них крупным обломком, задел колонну... В общем, потолок обвалился.

– Товаруга где, Чилим, Сверчок? Что с ними? – допытывался сержант.

– Чилим в перестрелке с монолитовцами погиб, наверное, слышали выстрелы? – Олег Юрьевич замолчал и посмотрел на сержанта. Фаза не ответил. – Сверчок в аномалию какую-то угодил, – продолжил профессор, – Ссэр ее «скальпелем» назвал, а проводник куда-то исчез. После перестрелки мы его не нашли. Звали, искали – без толку.

– А как это вы вдруг такими быстрыми и бодрыми стали? – в голосе сержанта сквозило недоверие.

– Я, – Олег Юрьевич махнул рукой, – держал до последнего спецраствор. Его можно употребить лишь единожды, а лучше и этого не делать. Зараза хоть и придает силы, гробит к чертям почки и остальное тоже. Анатолию дал инструкцию колоть лишь в экстренном случае, когда потеряю сознание. Но пришлось пользоваться собственноручно.

– Ослик где ваш?

– Он там же, не смог пролезть в щель. Я говорю, перекрытия обвалились. Чудом выбрался. Нам надо спешить. Доктор серьезно ранен. Надо скорее к ШАРУ.

Взгляд профессора впервые за все время диалога оторвался от сержанта и переместился на Пижоне. Внимание сразу приковало белое пятно, уже скорее, не под носом, а на губе.

– Они сделали свой выбор, – угрюмо проговорил Фаза, – я предлагал идти со мной. Мне надо Пижона скорее в госпиталь, – он хотел сказать, что парень очень плох и долго не протянет, но не стал.

– Ты не понимаешь! – воскликнул Олег Юрьевич, резко дернул головой, переводя взгляд обратно на сержанта, – там не только твои товарищи в беде, там еще и ШАР! Понимаешь, ШАР! Это значит, Пижон спасен, он сможет загадать все, что душе угодно. Ты тоже сможешь. Он исполнит! Он всегда исполняет! – говорил профессор в отчаянии, – надо только завал разобрать. Там немного... В гаражах есть ломы, и таль я видел. Она десять тонн зараз двигает. Я тебе помогу, надо только...

– Стопэ, – остановил профессора Фаза несколько не клюнувший на замануху, даже, наоборот, каменея лицом и голосом, – ваш «шар» это всего лишь ваши слова. Если он и на самом деле существует не факт, что исполнит именно то, чего попросишь. Я так понимаю,

это вещь неизведанная, поэтому вы с собой тащили столько оборудования. Ведь так? Вы хотели его исследовать.

– Да, но он на самом деле...

Фаза поднял руку, останавливая профессора:

– Я недоговорил, – удостоверился во внимание, продолжил, – Пижону, – он мотнул головой на парня: «Все же придется сказать», – осталось совсем чутка и в случае осечки с «шаром», он труп. Не факт, что в госпитале помогут, но там шансов больше, к тому же моя совесть будет чиста. Мы идем на кордон. Если хотите, давайте с нами. Как только пристрою стрелка, повернем назад. Времени потеряем немного – два дня от силы. У тех, кого привалило, есть еда, вода и медикаменты – продержатся. Тем более, как вы говорите, полтергейст мертв. Заодно вас в госпитале заправят, думаю, у них найдется что-нибудь эдакое. Может, к тому времени и Товаруга проявится, если, конечно, живой. Вот такой у меня план. Решайте, проф, идете с нами или остаетесь?

– А Пижон? Он что думает? Почему ты ему не даешь высказаться? Это ведь его жизнь и здоровье, – зашел профессор с другой стороны.

– Если заметили, его тащу я. Я и выбираю, куда мне идти. Так что тема закрыта.

– Да..., – Олег Юрьевич было дернулся в очередном порыве уговорить сержанта, но остановился. Он склонил голову и с минуту напряженно думал, затем сказал:

– Хорошо, я иду с вами. Надеюсь, моего коктейля на два дня хватит, – снизу вверх он неотрывно смотрел на сержанта.

– Тогда ходу.

Фаза посадил Пижона на спину, для удобства стянул ремнем его ноги в коленях у себя на талии, а чтобы не соскальзывал, пропустил через петлю спереди на разгрузке. Хотел было отдать вещмешок профессору, но передумал.

Они снова шли, Фаза с Пижоном за спиной впереди, следом ученый. Сержант обратил внимание, что у того нет оружия.

Километров через семь вышли из леса. На заросшем сухом поле примерно в метрах двухстах от опушки стояла приземистая, почерневшая от времени изба, с покосившимся забором и рухнувшим сараем, от которого остался торчать лишь столб с петлями.

Прежде чем направиться к жилищу, сержант несколько минут рассматривал его в бинокль: старый бревенчатый дом, некрашенные венцы выгорели и почернели, жестяная крыша хоть и просела, но еще держалась, стекла в маленьком окне выбиты, верхний наличник отвалился, печная труба почти вся рассыпалась, двери с крыльцом не было видно. Никаких движений и признаков обитаемости Фаза не заметил.

– Пойду, гляну, что за хата. Вы не расслабляйтесь. Если все срастется, есть будем за столом.

Он расстегнул ремень, опустил Пижона на землю. Тот сел, попытался выпрямить затекшие ноги. Лицо скривилось от боли. Фаза сбросил вещмешок, направился к дому. Профессор остался стоять. Он пристально смотрел ему в спину, не обращая внимания на Пижона, который стонал и двигал ногами, словно паралитик.

Со всеми предосторожностями сержант обошел дом, по пути заглянул в разбитое окно, прислушался. Постройка казалась брошенной: сломанная кровать, матрас на полу, на нем скомканное плесневелое покрывало, вещи разбросаны, повсюду сухие листья. Взгляд задержался на глянцевом журнале возле ножки столика.

Крыльцо под ногами скрипело, как проклятое. Заржавевшие петли двери провизжали: «Пришли гости, мля». Фаза остановился у порога, медленно обвел взглядом помещение: скромные пожитки, беспорядок, разруха, разбитые стекла, пыль, на покоробленном подоконнике пучок жухлой травы, кругом засохшие листья. По стене, где стекал дождь, бревна позеленели, покрылись язвами серого мха.

Тишина, мертвая стылая тишина. Сержант собрался проверить чердак, но вспомнил про гляцевую обложку. Она так блестела в пыли, словно журнал положили только что. Осторожно, поскрипывая битым стеклом на полу, Фаза прокрался в спальную. Запустил от двери взгляд, как ищейку по следу. Взгляд вильнул на полпути до заветной периодики и устремился в разбитое окно. На опушке происходило непонятное, какая-то возня.

Еще секунду он всматривался, а затем бросился назад. Бежал, как только мог, не обращая внимание на боль. При этом пригибался, старался до последнего оставаться незамеченным. Подогнанная амуниция почти не бряцала, руки крепко сжимали автомат. Фаза не сводил взгляда с борющихся людей. Судя по куртке и седому затылку, профессор побеждал.

С хода Фаза ударом приклада в голову, сшиб Олега Юрьевича с полумертвого Пижона. Профессор тряпичной куклой уткнулся Пижону в плечо, из ослабшей руки выпал перочинный нож.

– Вот же, сука, – стонал парень, стараясь столкнуть с себя тело.

Легким движением, словно мешок с сеном, сержант отбросил ученого в сторону. Он сразу заметил кровотокающую рану на шее стрелка, опустил на колено:

– Ну-ка, подними голову, – сухо сказал он.

– Ща, – Пижон тяжело, порывисто дышал и старался сесть. Когда это получилось, тронул горло, где ощущалась боль. Отодвинул руку, пальцы были в крови:

– Вот же, гад.

– Дай посмотрию, – настаивал сержант.

– Да все нормально, просто поцарапал. Он ремень хотел срезать...

Фаза не дал ему договорить, взял за подбородок и поднял голову, внимательно посмотрел на рану. Там и, правда, была лишь царапина. Зато черный нейлоновый ремень держался на одной нитке. Сержант мельком взглянул на миниатюрный «туристический» наборный замок с циферками, который повесил собственноручно, кажется, уже сто лет назад, опустил руку.

– Сначала пытался расстегнуть, – продолжил Пижон, – когда понял, что на замке достал нож. Он с меня хотел снять шлем, перерезать ремень и стянуть.

– Он и есть наш контролер, – устало произнес Фаза.

Пижон минуту не сводил с него глаз, затем закивал, перевел взгляд за спину сержанту на бесчувственного профессора. Но его там не оказалось. От неожиданности парень вздрогнул, глаза полезли на лоб. Фаза резко обернулся, наводя ствол на воображаемого Олега Юрьевича. Но увидел лишь примятую траву. Сержант поразился, как старик смог так неслышно уйти, а затем по спине прошелся мороз, стоило представить, что случилось бы, окажись у того огнестрельное оружие.

Профессор ушел на своих двоих, а не уполз и его не утащили – в сухой траве угадывался одинокий след, который вел к зарослям орешника.

– Давай поднимайся. Идем в дом, – сказал Фаза, подбирая вещмешок. Пижон с трудом, с кряхтением, словно ко всем напастям еще и заразился от профессора старческой немощью, встал. Он потратил много сил в борьбе с ученым, который оказался куда сильнее, чем о нем думал. Олег Юрьевич скрутил его в два счета. Чтобы скинуть с себя профессора и дать достойный отпор не могло быть и речи. Пижон лишь мешал просунуть нож под ремень и перерезать. Сила ученого поражала. Только потому, что он сам слаб и болен, Пижон объяснял его превосходство. Кроме этого, еще думал о том, что сержант спас ему жизнь, причем дважды в одном моменте: первый – когда вырубил профессора, второй – когда повесил на ремень шлема замок.

По дороге к дому Фаза сильно хромал. Он не сажал на спину парня, а помогал идти, перекинув его правую руку себе через шею. Прежде чем разрешить Пижону переступить порог, забрался на чердак по приставной лестнице и все там осмотрел. Пыльный полумрак под крышей оказался тихим и неподвижным. После чего усадил парня на лавку у стола, зашел в ком-

нату со сломанной кроватью, поднял с пола журнал. Им оказался февральский номер «Техники молодежи» за 1994 год. Фаза сел на столик, открыл первую страницу и тут же закрыл.

Он хотел перетерпеть, дотянуть до кордона, но когда бежал на помощь к Пижону, казалось, наступает босой ногой на раскаленные угли. Подумал: «Хотя бы повязку поправлю, а то сбилась и складкой на болячку давит». Он расшнуровал берц, начал стягивать. Боль, словно озлобленная, что ее потревожили, впиалась в плоть с особой жестокостью. Крепко сжав зубы, сержант снял ботинок. Его взгляду предстала скверная картина. Как и предполагал, повязка сбилась и даже давила складкой. Но не это было страшным. Разъеденная плоть с темно-синими, почти черными краями оголила кость. Небольшой участок на подъеме стопы, примерно в сантиметр, полтора, но это была, черт ее дери, кость. Еще не до конца поверив глазам, Фаза шевельнул большим пальцем. Мышцы вокруг кости двинулись, он ощутил неприятную глубокую боль. Достал аптечку, из держателя выковырял шприц-тюбик с обезболивающим: «Должно хватить до кордона, – думал он, скручивая колпачок. Уже готов был кольнуть в бедро, но остановился. Секунду-другую колебался, затем накрутил колпачок на место. – Пижону, пожалуй, нужнее будет. У меня только нога, а он и помереть может. – Фаза вернул препарат в аптечку. Перед внутренним взором вновь возникла белая плесень на губе. – Не задохнулся бы». Повязку сержант менять не стал, лишь поправил старый пропитавшийся кровью бинт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.